
Запретный.
Наглый.
Мой
18+

Эмма Остин
Запретный. Наглый. Мой

https://litres.ru/74715497
SelfPub; 2026

Аннотация

"Ника"— редактор в издательстве, тридцать лет, съёмный дом с рыжим котом и начальник, от чьих намёков хочется помыться. Она давно решила, что романтика — это для других, а ей хватит работы и подруги Кэти.

Всё меняется на дне рождения, где Ника обливает шампанским **Дарка** — наглого, самоуверенного и, к несчастью, совершенно неотразимого жениха двоюродной сестры Кэти. С этого вечера они не могут друг друга не замечать: он прижимает её к стене и говорит, что видит насквозь, она отвечает пощёчиной и клянётся его забыть. Рядом — добрый и надёжный Кирилл, который дарит розы и шоколадный торт и как будто создан для спокойной жизни.

А потом наступает новогодняя ночь, после которой Ника остаётся виноватой во всём: без подруги, без репутации и без ответа на единственный вопрос — что это было для него. Когда её запирают в чужом доме за высоким забором, спасать приходит не тот, кого она ждала, и не так, как она себе представляла.

Эмма Остин
Запретный. Наглый. Мой

Глава 1 Шампанское.

Я не люблю чужие дни рождения. Не то чтобы я была против чужой радости, я против её количества. Все эти торжества устроены одинаково: длинный стол, много людей, мало воздуха, салфетки, сложенные в форме чего-то необъяснимого, и обязательный тост про то, что главное — собраться вместе. К середине вечера кто-нибудь обязательно плачет, кто-нибудь уходит курить и не возвращается, а кто-нибудь дарит конверт и говорит: «Это на ваше усмотрение». Я сижу на таких вечерах с лицом человека, которому очень хорошо, и считаю про себя, сколько ещё можно посидеть, чтобы это не выглядело побегом.

Кэти знала это про меня двадцать лет и всё равно каждый год присылала адрес и время с восклицательным знаком в конце. Я отвечала «я подумаю», она прибавляла ещё три восклицательных, и на этом переговоры заканчивались. Кэти искренне считала, что праздник — это когда много людей и громко, а без меня праздник не праздник.

В этот раз Кэти выбрала «Панораму» на набережной.

До выхода у меня оставалось семь минут. Семь минут — это ровно столько, чтобы надеть платье, найти в ящике вторую серёжку, вытряхнуть сумку от чеков и вспомнить, где

лежат ключи. Я успела всё, кроме серёжки, и надела разные: одну длинную, одну маленькую. В темноте ресторана, решила я, никто не заметит, а если заметит — сочтут за дизайнерскую задумку.

Барсик проводил меня до прихожей, сел у двери и посмотрел снизу вверх с видом человека, который всё понимает и ничего не одобряет.

— Я ненадолго, — сказала я ему.

Он моргнул.

— Ну, часов до двенадцати.

Он отвернулся.

Я погладила его по голове, взяла плащ, вышла на лестничную площадку и заперла дверь. За дверью было тихо, потом раздался мягкий стук: Барсик сел с другой стороны и ждал, не вернусь ли я передумавшей.

Я дважды проходила мимо этого ресторана — оба раза в октябре, оба раза в сумерках, когда в окнах уже горит свет и видно, как люди за стеклом поднимают бокалы. И оба раза не решилась даже посмотреть на меню в раме у входа. Цены там стояли такие, что я мысленно пересчитывала их в недели своей жизни: вот этот салат — два дня, вот эта рыба — неделя с половиной, если не ходить в магазин и не брать кофе по дороге на работу.

Дверь была тяжёлая, с латунной ручкой, и открылась медленно, будто с сомнением. Внутри пахло тёплым деревом и лимоном, и ещё чем-то сладким, вроде ванили, и от этого за-

паха сразу заныло под ложечкой: я пришла голодной, а есть в таких местах полагалось красиво, понемногу и с разговорами.

У гардероба стояла очередь женщин в платьях. Они держали сумочки обеими руками, как держат что-то хрупкое, и говорили через плечо друг другу комплименты — короткие, заученные, произносимые тем особым голосом, каким говорят с человеком, которого не собираются слушать.

— Тебе так идёт этот цвет.

— Ой, да ну, я его сто лет не надевала.

— И совершенно зря.

Я пристроилась в хвост и занялась тем, чем занимаются все в такой очереди, — принялась рассматривать себя в зеркале. Зеркало было большое, в половину стены, в тяжёлой раме, и в нём отражалась не только я, а весь коридор сразу: люстры, чужие затылки, чьё-то пальто, которое никто не сдал, и я посередине, как в кадре случайной фотографии.

Тёмное платье, единственное приличное, купленное три года назад на распродаже. Оно всё ещё сидело хорошо, только воротник немного отставал от шеи, и я машинально подтянула его.

Каштановые волосы. Я стояла с ними перед зеркалом в ванной сорок минут — ровно столько, сколько нужно, чтобы передумать три раза. Сначала я хотела локоны, как у женщин с обложек. Потом обожгла плойкой палец, выругалась так, что с кухни прибежал Барсик, сел в дверях и стал смотреть,

как я мучаюсь. Потом в ванной запахло палёным, и я выключила плойку, подождала, пока остынет, и попробовала ещё раз, уже аккуратнее.

Получилось не то, что я хотела. Получилось что-то среднее между волной и беспорядком, и в этом беспорядке, если честно, было больше меня, чем в любых локонах.

И лицо. Лицо человека, пришедшего на праздник без настроения: ровный тон, ровный взгляд, ни одной живой морщинки. Тушь легла как надо, помада села ровно, румяна придали щекам тот самый вид, будто я только что с мороза. Всё было на месте, и во всём этом не было меня.

Я попробовала улыбнуться своему отражению. Отражение улыбнулось обратно так, как улыбаются кассиры в конце смены: вежливо, широко и совершенно пусто.

— Не то, — сказала я вслух.

Женщина впереди обернулась.

— Простите?

— Ничего. — Я улыбнулась уже по-настоящему. — Сама с собой.

Она кивнула и отвернулась, и я поняла, что говорю сама с собой перед зеркалом в чужом ресторане, и что это, пожалуй, худшее, что случилось со мной за сегодня.

— Девушка, вы последняя? — спросили сзади.

Голос был женский, низкий, с той спокойной уверенностью, которая бывает у людей, привыкших, что им отвечают сразу.

— Последняя.

— Слава богу. — Женщина вздохнула так, будто стояла тут не пять минут, а весь день. — А то я боялась, что за вами ещё кто-нибудь.

Я не стала объяснять, что за мной в этой жизни уже давно никто не занимает.

Очередь двинулась. Женщина передо мной отдала пальто, получила номерок на деревянной палочке и отошла, поправляя бретельку. У меня оставалось ещё полминуты, и я потратила их на то, чтобы подумать о своём плаще: ношу его четвёртый год, он уже не совсем чёрный, и на подоле есть пятно, которое я так и не вывела.

Я отвернулась от зеркала и стала смотреть на спины впереди.

— Вам помочь? — спросила девушка за стойкой.

Я отдала ей плащ, получила номерок на деревянной палочке и пошла по широкой лестнице наверх, стараясь не думать о том, что туфли я надела новые и что к концу вечера они превратятся в орудие пытки.

Зал оказался большой и шумный. Свет висел низко, над самыми столами, и от этого казалось, что все сидят в отдельных тёплых пятнах и разговаривают о своём: в одном пятне спорили о политике, в другом кто-то громко рассказывал историю с несмешным концом, в третьем уже смеялись над чем-то, чего я не слышала.

Пахло сразу всем: жареным мясом, духами, воском и ли-

моном. Где-то у стены играл негромкий оркестр — три человека, скрипка, рояль и контрабас, — и музыка тонула в разговорах, как тонет в воде брошенный камень.

Я прошла вдоль стены, огибая компании, где уже вовсю чокались. Мужчина в жилете, с бокалом, двинулся мне навстречу и посторонился в последний момент. Женщина с фотоаппаратом отступила, не глядя. Официант с подносом прошёл между нами так близко, что я почувствовала запах его рубашки.

Я искала глазами Кэти. По смеху я нашла бы её в полной темноте: он у неё был короткий, звонкий, с всхлипом на конце, и в студенчестве я слышала его сквозь двери и стены. Но здесь смеялись все, и это сильно усложняло задачу.

Я прошла мимо стола, за которым поздравляли кого-то в голубом платье. Мимо стола, где двое мужчин молча смотрели в телефоны. Мимо стола, где женщина вытирала салфеткой помаду с края бокала и делала это так старательно, будто от этого зависела её жизнь.

Наконец у окна поднялась девушка с бокалом, махнула мне рукой, и я двинулась к ней, задевая чужие локти и извиняясь через каждые два шага. Кто-то сказал мне вслед «ничего страшного», кто-то просто отступил, и я шла через этот тёплый шумный лес, чувствуя себя человеком, который пришёл на чужой праздник и очень старается никому не мешать.

На полпути мне встретился официант с подносом. Я взяла с него бокал, потому что идти к столу с пустыми руками

казалось мне неприличным, а объяснять подруге, что я не пью, я не собиралась: с Кэти этот номер не проходил ещё со студенчества.

Между двумя столами оставался узкий проход. В него бы ещё прошла пара официантов, но не человек с бокалом в руке.

Официант обошёл меня слева, я посторонилась и задела плечом спинку стула. Женщина в красном платье сдвинулась справа и придержала рукой свою сумку, как придерживают ребёнка. Кто-то сзади сказал «позвольте», и я сделала шаг вперёд, придерживая бокал на уровне груди, как факел.

В тесноте на меня разом навалилось всё: запах чьего-то парфюма с горькой ноткой, звон вилок, смех за спиной, вопрос «а вы уже видели подарок?», на который никто не ответил.

Я подняла бокал чуть выше, чтобы не задеть чью-то руку.

Стекло было холодное, тонкое, с чуть шершавой ножкой, и в нём дрожало отражение люстры. Я держала его так, как держат что-то, что нельзя разлить: локоть прижат, кисть напряжена, дыхание вполсилы.

Впереди кто-то откинулся на стуле, и его затылок оказался ровно на уровне моего бокала. Я обогнула его по дуге, задела подолом чью-то сумку, извинилась, услышала «да ничего» и пошла дальше, глядя только вперёд, на окно, где Кэти всё ещё махала мне рукой.

И в этот момент поняла, что иду по этому проходу, как по

минному полю, и что от того, донесу я шампанское до стола или нет, зависит настроение всего моего вечера.

Мужчина в тёмном костюме отступил от соседнего стола, не глядя по сторонам. Его локоть встретил моё предплечье, и шампанское выплеснулось ровно туда, куда ему было нужно: на тёмную ткань пиджака, на сгиб рукава, на белоснежную манжету, из которой торчала дорогая запонка.

Я успела подумать две вещи. Первая: хорошо, что бокал был почти полный, эффект получился основательный. Вторая: я знала этого человека в лицо, только никак не могла вспомнить откуда.

Он обернулся.

Он был высокий. Настолько, что мне пришлось отступить на полшага и поднять подбородок, чтобы увидеть его лицо.

Голубые глаза. Не те голубые, что бывают у людей с добрым характером, а светлые, почти прозрачные, как лёд на луже. Тёмные брови, гладко выбритая челюсть, под кожей на скуле — тень от низкой лампы. Плечи, из-за которых в проходе стало тесно, и от него пахло чем-то дорогим и сдержанным: не духами, скорее кожей и мылом.

Он посмотрел на мокрое пятно, потом на меня.

Я очень хорошо рассмотрела, как в его взгляде не появилось ни единого признака сожаления. Ни досады, ни смущения, ни даже любопытства. Он смотрел на испорченный пиджак так, как смотрят на счёт за электричество.

— Осторожнее, — сказал он.

Голос у него был низкий и спокойный, и от этого спокойствия мне захотелось сделать что-нибудь нехорошее.

— Вы меня толкнули, — сказала я.

— Я стоял на месте.

— Значит, вы стояли неправильно.

Он чуть склонил голову набок, будто я была любопытным экспонатом, который ему показывают без всякого предупреждения. Мимо проскочил официант, оглянулся на пятно, притормозил, но мужчина коротко качнул ему рукой: не надо, иди. Официант и пошёл, и я осталась стоять с пустым бокалом, из которого капало на ковёр.

— Вы удивительно неаккуратны, — сообщил он.

— А вы удивительно грубы, — сообщила я в ответ.

— Я не груб. Я констатирую.

— Это и есть самое неприятное.

Кто-то за соседним столом обернулся. Я чувствовала на себе сразу несколько взглядов и понимала, что выгляжу сейчас как женщина, которая среди праздника устроила скандал из-за испорченного пиджака. Мне хотелось уйти. Мне хотелось остаться и сказать ещё что-нибудь. Второе желание оказалось сильнее, и я поставила пустой бокал на поднос проходившего мимо официанта с таким видом, будто делаю ему одолжение.

— Вы понимаете, что это стоит денег? — Он приподнял руку с мокрой манжетой.

— Пришлите мне счёт.

— Не сомневайтесь, пришлю. — Он вытащил из внутреннего кармана телефон, посмотрел на меня и уточнил: — Куда?

Я открыла рот, чтобы ответить, и вовремя вспомнила, что мы, кажется, не знакомы. Значит, счёт он собрался присылать через Кэти, а Кэти после такого будет рассказывать эту историю до Нового года.

— У меня есть предложение получше, — сказала я. — Пятно выводится холодной водой. Если поторопитесь, у вас есть шанс спасти костюм.

Он посмотрел на манжету, потом на меня, и в его лице что-то изменилось. Не потеплело, нет. Скорее он сделался внимательнее, как будто до этого разговаривал с мебелью, а мебель вдруг ответила.

— А вы, я смотрю, специалист.

— Я редактор. Я разбираюсь в том, что люди пишут, и в том, что они из себя представляют. Вы, например, только что рассказали о себе больше, чем ваш костюм.

— И что же я рассказал?

— Что вам важнее счёт, чем испорченный вечер незнакомой девушки.

— Вечер испортили вы, — напомнил он. — Мне.

Я выдохнула через нос. В этот момент к нам наконец пробралась Кэти, в синем платье, с бокалом, который она держала двумя руками, как держат награду.

— Ника! — Она поставила бокал на стол, обняла меня

одной рукой и обернулась к мужчине. — Дарк, ты уже познакомился с моей Никой?

— Мы столкнулись, — сказал он.

— Мы не столкнулись, — сказала я. — Он стоял неправильно.

Кэти перевела взгляд с меня на него и обратно. Я видела, как в её голове складывается картинка и как ей эта картинка не нравится.

— Что случилось?

— Ничего, — сказал Дарк. — Твоя подруга вылила на меня шампанское и объяснила, что я хам и грубиян.

— Я этого не говорила.

— Вы это подумали. Это было написано у вас на лице крупным шрифтом.

Кэти тихо застонала.

И вот тут меня понесло. Понимаю, что не должна была, понимаю, что это был её день рождения и её гости, но я уже набрала воздуха и остановиться не смогла. Я сказала ему всё, что думала, и о его манере разговаривать, и о том, что воспитанные люди в такой ситуации извиняются, а не ищут, кого обвинить, и что лично мне совершенно всё равно, сколько стоит его костюм, потому что дешёвый характер куда заметнее дорогой ткани.

В зале стало тише. По крайней мере, мне так показалось.

Дарк выслушал до конца. Не перебил ни разу. Когда я закончила, он посмотрел на Кэти и сказал совершенно ровным

голосом:

— Поздравляю с днём рождения. Подруга у тебя забавная.

А потом развернулся и ушёл к своему столу, и я увидела, как к нему тут же пододвинулись двое мужчин и стали что-то спрашивать, а женщина в жемчужном платье положила ладонь ему на руку.

— Ника, — сказала Кэти тихо. — Ты только что отчитала Дарка.

— А кто это?

— Пойдём, — сказала она и потащила меня за собой. — Пойдём, я тебе всё расскажу. И налью. Тебе точно надо налить.

За столом нас было человек десять. Кэти усадила меня рядом с собой, пододвинула бокал и налила вина до половины, хотя я не просила. Я и не стала возражать.

— Знакомься, — сказала она, обводя стол рукой. — Это Лена, мы вместе ходим на пилатес. Это её муж Артём. Это Марк, он фотограф и снимает всякое искусство. Это Соня, это Витя, они приехали из Питера. А это, — она кивнула в сторону дальнего стола, где сидел он, — неважно кто.

— Кэти.

— Потом, — сказала она. — Сейчас у меня день рождения, и я не собираюсь портить его разговорами о постороннем мужчине.

Она поднялась, постучала вилкой по бокалу и произнесла тост. Про то, что ей сегодня тридцать, что она не верит циф-

рам, что рядом с ней люди, которых она любит, и что главное — не терять друг друга в этом бешеном городе. Гости закричали «ура», кто-то засвистел, и я тоже подняла бокал и улыбнулась, потому что Кэти умела говорить такие вещи, от которых начинало щипать в носу.

Потом принесли еду. Я, честно говоря, не запомнила, что именно, помню только, что тарелки были большими, а порции на них маленькими, и что каждую перемену блюд кто-нибудь обязательно произносил речь о том, как прекрасно, что мы все здесь собрались. Я ела, кивала, отвечала на вопросы. Марк справа рассказывал про выставку, на которую его позвали снимать, и я даже задала ему пару вопросов, потому что он был милый и потому что мне нужно было чем-то занять голову.

Голова, к сожалению, занималась совсем другим.

Я видела его вполоборота: широкое плечо, тёмный рукав, руку на спинке чужого стула. Он сидел спокойно, как человек, который всегда знает, куда ему идти и что он будет делать через минуту. Мне это не понравилось. Мне не понравилось, что я вообще об этом думаю. Я развернулась к Марку и стала слушать про объективы так внимательно, будто собиралась завтра же покупать себе камеру.

— Ты чего? — шепнула Кэти, наклонившись ко мне.

— Ничего.

— Ты уже третий раз смотришь в ту сторону.

— Я смотрю на часы. Они на стене за его столом.

Кэти посмотрела на стену, где никаких часов не было, и ничего не сказала. За столом тем временем заспорили о том, куда лучше ехать в отпуск в ноябре, и я с облегчением включилась в спор, потому что в спорах я чувствовала себя как рыба в воде.

— Только не говорите мне про Турцию, — сказала Лена. — Я была в Турции в ноябре. Дождь, ветер, отель пустой, аниматоры смотрят на тебя как на еду.

— А я люблю пустые отели, — сказал Артём.

— Ты любишь, когда никто не мешает тебе спать до двух.

— Это тоже.

Все засмеялись, и я вместе со всеми, и на несколько минут мне даже стало легко. Я поймала себя на том, что сижу расслабленно, что бокал у меня в руке, что вино тёплое и чуть терпкое, и что вечер, в общем-то, можно пережить.

Женщина в жемчужном платье что-то сказала ему через стол, и он наклонил голову, чтобы расслышать. Красивая, отметила я, из тех, у кого волосы лежат волосок к волоску даже в конце вечера. Она держалась рядом с ним так, как держатся люди, у которых есть право трогать чужую руку без разрешения. Жена? Сестра? Я поймала себя на этом вопросе и тут же оборвала его, потому что он мне не принадлежал. Не моё дело. Совершенно не моё дело.

— Ты сейчас опять, — сказала Кэти.

— Я ем.

— Ты не ешь. Ты сверлишь взглядом дальний стол. У тебя

даже вилка в воздухе остановилась.

Я посмотрела на вилку. Вилка действительно висела в воздухе. Я положила её на тарелку и сказала, что мне нужно подышать.

Встать я не успела: заиграла музыка. Негромкая, тягучая, с трубой, от которой в груди что-то поднималось и не хотело опускаться обратно. Кто-то из гостей предложил танцевать, Лена поднялась первой и потянула за собой Артёма, и я осталась сидеть с бокалом, разглядывая тёмное окно, в котором отражался зал и я в нём.

— Между прочим, — сказала Кэти, снова наклонившись ко мне, — он на тебя смотрит.

— Кто?

— Ты знаешь кто.

Я не обернулась. Я очень старательно не обернулась, посмотрела в свой бокал, потом на салфетку, потом на Кэти, и сказала:

— Мне всё равно.

— Ага, — сказала Кэти. — Конечно.

И вот тут, совершенно не собираясь, я всё-таки обернулась.

Он смотрел прямо на меня. Не искоса, не украдкой, как смотрят люди, которым неловко, что их застали, а открыто, спокойно, будто имел полное право смотреть. Рядом с ним женщина в жемчужном платье что-то говорила ему на ухо, а он слушал и смотрел на меня, и от этого несоответствия у

меня внутри всё сжалось и разжалось.

Я отвернулась так резко, что чуть не смахнула салфетку.

— Ну? — спросила Кэти.

— Ничего.

— Ника.

— Что «ника»? Смотрит. Люди смотрят. У него глаза есть, вот он ими и пользуется.

Кэти вздохнула так, как вздыхают женщины, которые знают больше, чем им говорят, и оставила меня в покое. А я взяла бокал и обнаружила, что он пуст. Тогда я взяла другой, соседский, который оказался ничей, и тоже обнаружила, что он пуст, и это было уже совсем не смешно.

Музыка играла, гости ходили между столами, кто-то смеялся у окна, кто-то уже танцевал в дальнем конце зала. Мимо прошёл официант с подносом, и я поймала себя на том, что ищу в толпе тёмный костюм, чтобы не смотреть в его сторону, и что делаю это уже не в первый раз за вечер.

— Ты знаешь, что самое унизительное? — сказала я Кэти. — Я даже не помню, извинилась я или нет.

— Ты не извинилась.

— Я так и думала.

— Ты прочитала ему целую лекцию о манерах.

— Он это заслужил.

— Возможно, — сказала Кэти. — А может, и нет. Ты ведь его совсем не знаешь.

Я хотела ответить что-нибудь достойное, но в этот момент

за столом напротив поднялся он. Не встал и не ушёл, как уходят люди, которых заставили сидеть слишком долго, а поднялся спокойно, с бокалом в руке, и его компания тут же замолчала, как затихают люди, когда понимают, что сейчас что-то произойдёт.

Он не произнёс тост. Он просто чуть приподнял бокал в мою сторону и держал его так, глядя мне в глаза через весь зал, через чужие головы, через свечи и тарелки, и улыбался одним углом рта.

Я почувствовала, как у меня горят уши.

— Это он мне? — спросила я.

— Тебе, — подтвердила Кэти. — Определённо тебе.

— Замечательно. Просто замечательно.

Я взяла свой пустой бокал, поставила его на стол и уставилась в тарелку с таким видом, будто в ней было что-то невероятно важное. Сердце колотилось где-то у горла, а в голове билась одна мысль: за весь вечер я ни разу не почувствовала себя так глупо и так живо одновременно.

Кэти под столом сжала мою руку.

— Ника, — сказала она очень тихо. — Только не говори мне, что он тебе понравился.

Я промолчала. Мне нечего было ей сказать, потому что понравился — это было не то слово, а правильного слова я не знала.

Глава 2 Жених сестры.

Первым меня пригласил Марк.

Он оказался из тех мужчин, которые танцуют так, будто выполняют важную работу: считают шаги, держат спину и смотрят чуть выше твоего плеча. Рука у него была сухая и тёплая, и он держал меня ровно на том расстоянии, на котором танцуют с чужими жёнами на корпоративах.

Через минуту выяснилось, что он ещё и рассказывает во время танца.

— Я в прошлом месяце снимал балет, — сообщил он, аккуратно поворачивая меня под руку. — За кулисами, знаете, всё не так, как на сцене. Пыль, провода, люди в халатах. Кто-то ест бутерброд у кулисы, кто-то ругается с осветителем. Но когда они выходят, это уже не люди.

Он сказал это с таким лицом, будто сообщал государственную тайну.

— А кто?

— Что-то другое, — сказал он серьёзно. — Что-то, что нельзя объяснить.

Я посмотрела на него снизу вверх.

— Вы всегда так говорите о работе?

— Как?

— Как будто читаете надпись на памятнике.

Марк на секунду сбился с шага. Он был из тех, кто не любит сбиваться: сразу подобрался, выровнял спину, вернул руку на нужное место у меня на лопатке. А потом засмеялся — коротко, удивлённо, как человек, которому давно не говорили ничего неожиданного.

— Обычно мне этого не говорят.

— А вы обычно и не танцуете с редакторами.

— Это правда, — согласился он. — Редакторы попадаются редко.

— Нас вообще берегут, — сказала я. — Заносим в Красную книгу. Показываем только по праздникам.

Марк засмеялся громче, чем следовало. Пара за соседним столиком обернулась, и он смутился, но не сильно: поправил галстук и посмотрел на меня уже не выше плеча, а прямо в лицо.

— А вы, кстати, язва, — сказал он с удовольствием.

— Я редактор, — сказала я. — Мы все немного язвы. Профессиональная деформация.

— И как с вами живут?

— Со мной никто не живёт.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Не встречала человека, который выдержал бы больше двух глав.

Марк хмыкнул.

— А что происходит на третьей?

— На третьей я начинаю править.

— Кого?

— Всё. — Я посмотрела на него. — Как он ест, как он говорит, как он паркуется. Я не специально. Просто вижу, где запятая не там, и не могу не поправить.

— И люди обижаются.

— Люди уходят.

Я сказала это ровно, без горечи, и сама удивилась, как спокойно вышло.

Марк помолчал. Мы прошли ещё несколько шагов, и я почувствовала, как его рука на моей лопатке стала чуть тяжелее, будто он решал, стоит ли говорить то, что собирался.

— Наверное, они просто не понимали, что вы это не со зла, — сказал он.

— Они понимали.

— И всё равно уходили?

— А вы бы остались?

Он посмотрел на меня.

— Не знаю, — сказал он честно. — Я никогда не был на их месте.

— Вот и я не была на своём, — сказала я. — Пока не стала.

Он не засмеялся, как я ждала. Он нахмурился, и в этом нахмуренном лбу было больше живого, чем во всём его рассказе про балет.

— Может, вам просто не попадался человек, который сам просит поправить, — сказал он.

— Такие бывают?

— Я, например.

Я споткнулась и сбилась с шага.

— Простите, что?

— Я, например, — повторил он спокойно.

Я посмотрела на него внимательнее: на его серьёзное лицо, на галстук, на руку, которая продолжала держать мою, как будто ничего особенного не случилось.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. — Он повёл меня в поворот, и я послушно развернулась, как девочка на уроке бальных танцев. — Мне всю жизнь говорят, что я слишком правильный.

— Это вам говорят?

— Это мне говорят.

— А вы?

— А я не знаю, — сказал он. — Я в этом смысле как хороший отчёт. Все довольны, а что внутри, никто не смотрел.

Я не ожидала от него такой фразы и, кажется, посмотрела слишком внимательно.

— И вы считаете, что вам нужен редактор?

— Я считаю, что мне нужен кто-то, кто скажет правду.

— Правду все говорят, — сказала я. — Обычно только после третьего бокала.

— Значит, мне нужен человек, который скажет её на трезвую голову.

Я засмеялась.

— Это редкая профессия.

— Я готов платить.

— Чем?

— Вниманием, — сказал он без паузы. — Я умею слушать. Это единственное, что я умею по-настоящему хорошо.

Мы обошли стол, и он придержал меня, когда я не успела попасть в такт. Я улыбнулась, и он улыбнулся в ответ — уже без натянутости, просто, как человек, которому вдруг стало легко.

— А вы, Ника? Чем занимаетесь, когда не правите чужие тексты?

— Работаю в издательстве. — Я улыбнулась. — То есть да, правлю чужие тексты. Но за деньги.

— Это вы правите книги?

— Я помогаю авторам сделать текст лучше, чем он был.

— Звучит как работа психотерапевта, только для книг.

— Разница в том, — сказала я, — что книге можно поставить запятую, а человеку нельзя.

Марк задумался.

— Жаль, — сказал он. — Некоторым бы очень помогло.

Я хотела ответить, что авторы в основном нуждаются в обоих специалистах, но музыка кончилась, и Марк с поклоном увёл меня обратно к столу. Он шёл рядом и молчал, и в этом молчании было что-то уважительное, как будто он решал, стоит ли продолжать разговор или лучше не портить.

— Спасибо, — сказал он у стола. — Я давно так не разговаривал.

— Приходите ещё, — сказала я. — У нас, редакторов, обед с двенадцати до часу.

Он засмеялся и отошёл.

Вторым был Витя из Питера, который оказался весёлым,

громким и совершенно не умеющим танцевать. Он наступал мне на ноги и извинялся так громко, что оборачивались соседние столы. С ним было легко.

— Вы знаете, что самое страшное на свете? — спросил он.

— Скажите.

— Свадьба моего брата. Я был свидетелем. Мне сказали: ничего не потеряй. Я потерял кольца.

— И что было?

— Нашли, — гордо сказал Витя. — В салате.

Я смеялась так, что мне пришлось остановиться. Смех вышел некрасивый, с всхлипом, и я прикрыла рот ладонью, потому что от смеха уже болели щёки.

— В салате, — повторила я. — Кольца. В салате.

— В оливье, — уточнил Витя с гордостью. — Там такой соус, что ничего не видно.

— И никто не заметил?

— Заметили! — Он захохотал. — Когда я стал их искать и перекопал всю тарелку.

Я представила себе это и засмеялась снова.

А когда подняла голову, то встретилась глазами с дальним столом.

Дарк не танцевал.

Он сидел, откинувшись на спинку стула, с бокалом, в котором почти ничего не осталось, и смотрел не на танцующих, не на свою спутницу, а на меня.

Я почувствовала это раньше, чем увидела: как будто меж-

ду лопатками стало тепло. От неожиданности я сделала шаг не в ту сторону и наступила Вите на ногу.

— Ой. Простите.

— Это уже традиция, — весело сказал Витя.

Я развернулась к нему спиной, чтобы не видеть дальний стол, и следующие пару минут честно старалась смотреть только на партнёра. Не помогло. Я всё равно знала, где сидит этот человек, как знают, где в комнате открытое окно.

Третьим меня пригласил мужчина в сером, которого я не знала. Он почти ничего не говорил, вёл уверенно, и в конце танца сообщил, что я красиво двигаюсь. Я поблагодарила и вернулась к столу, где Кэти пододвинула мне стул и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Что?

— Ничего. Просто интересно.

— Что тебе интересно?

— Ты перетанцевала уже с тремя, а в сторону дальнего стола оборачиваешься чаще, чем на партнёров.

Я взяла салфетку и принялась её складывать.

— Мне показалось, что он всё время смотрит.

— Ну так посмотри ему прямо в глаза. Может, тогда перестанет.

— Я не об этом.

Кэти выдохнула и поднялась.

— Пойдём, — сказала она. — Надо поговорить.

Мы вышли в коридор, где было тише, чем в зале, хотя и

здесь слышались музыка и чей-то смех. У окна стоял пустой столик с пепельницей, оставшейся от прежних времён, когда в ресторанах ещё курили. Кэти села на подоконник и скрестила руки.

— Спрашивай, — сказала она.

— Кто это?

— Его зовут Дарк.

— Это имя или прозвище?

— Имя. Родители постарались.

Я хотела спросить ещё что-то, но Кэти уже продолжала, и по её голосу я поняла, что она говорит это второй или третий раз в жизни, настолько ровно звучали слова.

— Он жених моей двоюродной сестры. Мари. Ты её сегодня видела, она сидит с ним, в жемчужном платье.

Вот, значит, кто это был. Красивая женщина, которая имеет право касаться его руки. Я не почувствовала ничего особенного. Ну, почти ничего.

— И что он за человек?

Кэти помолчала.

— Сложный, — сказала она наконец. — Он из тех мужчин, которые привыкли, что всё будет так, как он решил. Он грубый, Ника. Не в том смысле, что он хамит официантам, нет, он умеет быть обаятельным, когда хочет. Грубый в другом. Он людей как будто не очень высоко ставит.

— Замечательно. И твоя сестра собирается за него замуж.

— Мари собирается. Это её выбор. И, честно говоря, они

друг друга стоят.

Она сказала это без злости, скорее с усталостью, и я впервые подумала, что отношения в этой семье устроены сложнее, чем кажется с видом на накрытый стол.

— А почему все с ним носятся? — спросила я. — Если он такой.

— Потому что он такой, — сказала Кэти. — Понимаешь, он не просто чей-то жених. У него дело, большое дело, и в него вложены деньги половины наших знакомых. Он умеет решать вопросы, которые другие решить не могут. Мои родители его обожают. Мари три года ходила за ним, пока он наконец не сделал предложение, и теперь она не отпустит его ни за что, можешь быть уверена.

— А он?

— А что он?

— Он её любит?

Кэти посмотрела на меня так, будто я спросила что-то очень наивное.

— Дарк делает то, что считает правильным, — сказала она. — Это не всегда то же самое, что любит. Я не знаю, что у них внутри. Я знаю только, что он никогда не опаздывает, всегда держит слово и ни разу за три года не дал повода усомниться, что женится. Если ты об этом.

— Я не об этом.

— Ну конечно, — сказала Кэти.

— В общем, — закончила Кэти, — не связывайся с ним. Я

серьёзно. Он занят, у него есть невеста, и если ты влезешь в это, проблем будет больше, чем ты можешь себе представить.

— Я и не собиралась связываться.

— Вот и умница.

— Он мне вообще не понравился.

Кэти посмотрела на меня с таким выражением, будто я сказала что-то очень громкое в очень тихой комнате.

— Ага, — сказала она. — Конечно.

Я хмыкнула и отвернулась к окну. В стекле отражался коридор, полоса света из зала и я сама, с руками, сложенными на груди, и с лицом, которое умело врать кому угодно, кроме одной подруги.

— Красивый, — добавила я, потому что молчать было уже глупо.

— Красивый, — согласилась Кэти. — Это не значит «твой».

— Я и не говорю, что мой.

— Ты смотришь в ту сторону уже целый вечер.

— Я смотрю на часы.

— Ника, там нет часов.

Мы вернулись в зал, и как раз вовремя: вынесли торт. Не настоящий свадебный, но почти: три яруса, белый крем, живые цветы сверху и столько свечей, что у Кэти сделалось такое лицо, будто она одновременно рада и вот-вот заплачет. Свет в зале приглушили, официанты зааплодировали, и весь ресторан повернулся к нашему столу.

Кэти задула свечи с третьей попытки. Кто-то крикнул «желание не скажешь, а то не сбудется», кто-то засмеялся, и она, раскрасневшаяся, счастливая, принялась разрезать торт и раздавать его сама, отказываясь от помощи официантов.

Я стояла в стороне с тарелкой и вилкой и смотрела на неё, и мне было хорошо от того, как она счастлива. Правда хорошо. Кэти умела радоваться так, что рядом с ней становилось теплее.

— Поздравляю.

Я обернулась. Дарк стоял рядом, в двух шагах, с бокалом в руке, и смотрел не на Кэти, а на меня. Мари держалась чуть позади, положив ладонь ему на сгиб локтя, и разглядывала зал с выражением человека, который уже видел места и получше.

— Это вы мне? — спросила я.

— Кэти.

— А, — сказала я. — Ну да. Конечно.

Мари перевела на меня взгляд, и я почувствовала, как меня оценивают: платье, туфли, причёску, всё разом, одним движением глаз.

— Дарк, ты нас не представишь? — спросила она.

— Это Ника, — сказал он. — Подруга Кэти.

— А, — протянула Мари. — Та самая.

Я не поняла, что значит «та самая», и решила не уточнять. Мари улыбнулась мне улыбкой, которая должна была означать приветливость, и добавила:

— Мы с Кэти с детства. Она мне как сестра. Только она всегда была немного... — она поискала слово, — проще, чем я.

— Это комплимент? — спросила я.

— Это констатация, — сказала Мари.

Я посмотрела на Дарка. Он смотрел в свой бокал, и я готова была поклясться, что уголок его рта дёрнулся.

— А вы, простите, кем приходитесь Кэти? — спросила я.

— Двоюродной сестрой.

— Тогда понятно, откуда такое тёплое отношение.

Мари моргнула. Дарк поднял глаза, и вот теперь он смотрел на меня уже без всякого выражения, просто смотрел, как смотрят на что-то, что неожиданно оказалось интереснее, чем предполагалось.

— Ника работает в издательстве, — сказал он ровно. — Она редактор.

— Как интересно, — сказала Мари без всякого интереса. — Я читаю в основном французов.

— В оригинале?

— В переводах. Но очень хороших.

— Это прекрасно, — сказала я. — Хороший перевод — половина книги.

Мари посмотрела на меня так, будто я сказала что-то неприличное, и повернулась к Дарку:

— Пойдём, нас ждут. Мы ещё хотели успеть в одно место.

Он не сразу пошёл за ней. Секунду он стоял и смотрел на

меня, и я стояла и смотрела на него, и в этом не было ничего приятного, кроме того, что было.

— Приятно было познакомиться, — сказал он.

— Не могу сказать того же, — ответила я.

— Знаю, — сказал он. — Вы уже говорили.

И пошёл за Мари, а я осталась стоять с тарелкой торта, у которого вдруг сделался совершенно невыразимый вкус.

Кэти подошла ко мне через минуту, вытирая руки салфеткой.

— Ну что?

— Ничего.

— Ты сейчас с Мари разговаривала.

— Твоя сестра замечательная. Просто замечательная.

— Она такая, — вздохнула Кэти. — Она не злая. Она просто считает, что мир состоит из людей и обслуживающего персонала, и большую часть жизни не понимает, кого куда относить.

Я рассмеялась. А потом, не удержавшись, всё-таки спросила:

— А Дарк?

— А что Дарк?

— Он тоже так считает?

Кэти задумалась. Она жевала торт, и я видела, что она подбирает слова, и что слова ей не очень нравятся.

— Дарк не считает, — сказала она наконец. — Дарк знает. Это хуже.

Музыка снова заиграла, на этот раз быстрее, и Лена потащила Кэти танцевать, и та, смеясь, отдала мне свою тарелку. Я осталась одна с двумя тарелками, с тортом, с музыкой и с полным залом чужих людей.

И почему-то мне стало ужасно весело.

Вечер после торта пошёл быстрее. Кто-то предложил шоты, кто-то отказался, кто-то передумал и согласился. Марк показывал на телефоне свои фотографии, и я честно сказала, что они хорошие, потому что они и правда были хорошие. Витя рассказал ещё две истории про брата, и одна из них была настолько неприличной, что Лена зажала ему рот ладонью. Соня, которая почти весь вечер молчала, вдруг оказалась автором детских книг, и мы полчаса проговорили про иллюстрации и про то, как трудно писать для детей, не сюсюкая.

Я танцевала ещё дважды. С Витей, который к этому времени окончательно перестал попадать в ритм, и с официантом, который нёс поднос и извинился, что не может, но потом всё-таки поставил поднос на стол и станцевал со мной один короткий медленный танец, чем вызвал аплодисменты всего зала. Кэти хохотала так, что у неё потекли слёзы, и умоляла меня повторить, а я сказала, что второго такого шанса в жизни не будет.

И весь вечер, между шотами, фотографиями и разговорами про детские книги, я ловила себя на одном и том же. Я искала глазами тёмный костюм. Находила. Отводила взгляд.

Через пять минут искала снова.

Он почти не танцевал. Сидел, разговаривал с мужчинами, которые к нему подходили, отвечал Мари, когда она к нему обращалась, и пил медленно, как пьют люди, которые умеют пить. Один раз я увидела, как он смеётся над чем-то, что сказал его сосед, и это было совсем другое лицо, не то, что в начале вечера: открытое, почти мальчишеское. Я отвернулась раньше, чем он успел заметить, и весь следующий танец злилась на себя за то, что вообще это увидела.

К одиннадцати гости начали расходиться. Кэти обнимала всех по очереди, целовала в щёку, благодарила за подарки и за то, что пришли. Я стояла рядом с ней, держала её сумочку и свой бокал, и в какой-то момент поняла, что дальний стол пуст.

Совсем пуст. Ни его, ни Мари, ни мужчин, которые к ним подсаживались. Официант уже убирал тарелки.

Я почувствовала что-то, чего не хотела чувствовать. Не разочарование, нет. Просто что-то неприятное, как будто я весь вечер смотрела фильм, а его выключили за минуту до конца.

— Ты чего? — спросила Кэти, обернувшись.

— Ничего. Устала.

— Сейчас поедем. Только провожу последних.

Она ушла, и я осталась стоять с сумочкой и бокалом, и в этот момент увидела его. Он выходил из коридора у гардероба, с пальто в руке, и Мари шла рядом, что-то ему гово-

ря и поправляя шарф. Они направлялись к лестнице, и он, проходя мимо, посмотрел на меня.

— Ника, — сказал он и остановился.

Мари остановилась тоже. Посмотрела на меня, потом на него, и в её лице что-то промелькнуло, но так быстро, что я потом не могла вспомнить, что именно.

— Дарк, — сказала я.

— Надеюсь, вы не будете всю ночь думать о моём костюме.

— Не буду.

— И я о вашем платье не буду, — сказал он.

Я открыла рот и не нашлась, что ответить. Он сказал это совершенно ровно, без улыбки, без всякой игривости, как сообщают о погоде, и от этого у меня перехватило горло.

— Спокойной ночи, — сказал он и пошёл вниз по лестнице.

Мари задержалась на секунду. Посмотрела на меня долгим взглядом, и я вдруг поняла, что она всё видела: и то, как я смотрела в сторону их стола весь вечер, и то, как он смотрел на меня.

— Всего хорошего, — сказала она мне очень вежливо.

— И вам.

Они спустились, и хлопнула входная дверь, и я осталась стоять на верхней площадке, с номерком от пальто в кармане и с бокалом, из которого давно уже ничего не пила.

Кэти вернулась через пару минут, и мы спустились в гар-

дероб вместе. Уже на улице, когда она искала в телефоне машину, я сказала:

— Знаешь, что самое противное?

— Что?

— Он умеет быть вежливым. Не хамит, не грубит. Просто ставит человека на место так, что тот сам не понимает, где стоит.

Кэти подняла на меня глаза от телефона.

— Ника, — сказала она. — Не связывайся с ним.

— Да не собираюсь я.

— Вот и не связывайся.

Такси подъехало, и мы сели вдвоём на заднее сиденье, и Кэти всю дорогу рассказывала, кто что ей подарил, а я кивала и смотрела в окно, где проплывали тёмные улицы, и ловила себя на том, что придумываю ответ на его «и я о вашем платье не буду». Ответ получился хороший. Жаль, что я его нашла на полчаса позже, чем следовало.

Глава 3 Под дождём.

Через два дня после дня рождения Кэти погода решила, что с неё хватит.

Утром я вышла из дома в пальто, под которым было тонкое платье, потому что в окно светило солнце, и мне хотелось выглядеть человеком, у которого всё под контролем. К остановке я дошла спокойно. На остановке начала думать, что зря не взяла зонт. А когда автобус не пришёл ни через пять минут, ни через десять, я решила, что дойду пешком,

потому что до издательства было двадцать минут ходьбы, и я всегда гордилась тем, что умею ходить быстро.

Через семь минут небо разверзлось.

Я не преувеличиваю. Дождь пошёл сразу весь, стеной, без всякого предупреждения, и через полминуты я была мокрая насквозь: волосы облепили лицо, платье прилипло к ногам, вода затекла за шиворот. Люди вокруг побежали, кто-то засмеялся, кто-то выругался, и я вместе со всеми добежала до первого светящегося окна, на котором было написано «Кофе и всё такое».

Я влетела внутрь, звякнув колокольчиком над дверью, и остановилась, капая на пол.

Внутри было тепло и пахло корицей. Небольшое кафе, шесть или семь столиков, стойка, за ней парень с татуировками и полотенцем через плечо. За окном дождь стоял такой плотный, что набережной за ним уже не было видно, только серое.

— Дождь, — сказал парень за стойкой, будто объясняя мне мир.

— Дождь, — согласилась я.

— Вам кофе?

— Мне полотенце. И кофе. И, если можно, чтобы кофе был большой.

Пока он наливал, я отжала волосы у зеркала, посмотрела на себя и поняла, что в таком виде меня можно показывать в журнале «до» и «после», причём я была «до». Платье при-

липло к телу, тушь поплыла, и на левой щеке осталась чёрная полоса, которую я обнаружила только со второго раза.

С салфетками и чашкой я развернулась к залу и в этот момент увидела их.

За столиком у стены сидели двое мужчин. Один спиной к окну, второй лицом ко мне, и этого второго я узнала сразу, хотя на нём был не тёмный костюм, а тёмная рубашка с закатанными рукавами. Голубые глаза, тёмные брови, чашка в руке. Дарк.

Я сделала шаг назад и чуть не вылила на себя кофе.

Они разговаривали. Точнее, говорил его приятель: наклонялся через стол, что-то рассказывал, разводил руками, и вокруг них стоял такой смех, что женщина за соседним столиком дважды обернулась. Дарк слушал, усмехался и качал головой, и вид у него был совершенно человеческий, даже домашний, какого я в ресторане не застала ни разу.

Мне нужно было уйти. Или хотя бы подойти и поздороваться, потому что мы виделись, и он меня, кажется, заметил ещё до того, как я это поняла. Я буквально чувствовала, как его взгляд прошёлся по мне, мокрой, с чёрной полосой на щеке, и от этого стало совсем нехорошо.

Я развернулась к стойке.

— Можно мне кофе на вынос?

— Уже налил, — виновато сказал парень, кивая на чашку у меня в руке.

— Тогда я сяду.

— Располагайтесь.

Я выбрала столик в дальнем углу, спиной к ним. Поставила чашку, повесила мокрую сумку на спинку стула и стала смотреть в окно с таким вниманием, будто там показывали лучший фильм года. Мне надо было его переждать. Дождь, потом работу, потом весь этот день, в котором никого из этих двоих не будет.

За спиной снова засмеялись. Потом голос Кирилла, уже спокойнее:

— И что, ты правда это сделаешь?

— Я сказал, что сделаю.

— Дарк, я не про работу.

— Я тоже.

Пауза. Я сделала глоток и постаралась не дышать так громко, потому что понимать чужие разговоры, когда их не должны слышать, — это отдельный талант, и у меня он был.

— Она тебя всего три года обрабатывала, — сказал Кирилл. — Ты уверен, что хочешь именно этого?

— Я уверен, что назад дороги не будет, — ответил Дарк. — Остальное неважно.

— Ну да, — сказал Кирилл. — Ну да.

Больше я ничего не разобрала, потому что зашумела кофемашина, а потом Кирилл начал рассказывать про какого-то знакомого, который купил лодку и утопил её в первый же выход, и они оба смеялись. Я сидела, смотрела в окно, где дождь шёл стеной, и думала, что чужие разговоры — это

как чужие письма: вроде и не для тебя написано, а всё равно потом ходишь и думаешь, что бы это значило.

— Вы знаете, что я вам скажу? — громко произнёс его приятель. — Вам нельзя больше столько работать. Человек, который думает о делах раньше, чем о кофе, — это очень уставший человек.

— Кофе я как раз допил.

— Допил. А я нет. Я сейчас ещё одну возьму.

Я услышала, как отодвинулось кресло, и человек пошёл по проходу. Я смотрела в окно изо всех сил. Он остановился за моей спиной, и я поняла, что он рассматривает меня сверху, и что это длится уже довольно долго.

— Простите, — сказал он.

Делать было нечего. Я обернулась.

Он оказался приятным. Светлые, растрёпанные волосы, серые глаза с морщинками у самых зрачков, улыбка, которую он не пытался спрятать. Если бы он подошёл ко мне в обычной жизни, я бы даже обрадовалась.

— Я не хочу быть навязчивым, — сказал он, — но у вас очень красивое лицо. Красное, мокрое, с полосой вот здесь, — он показал пальцем на свою щёку, — и всё равно красивое. И глаза грустные. У людей с грустными глазами обычно самые хорошие истории про дождь.

Я не нашлась, что ответить.

— Вы, наверное, думаете, что я пристаю.

— Вы не пристаёте, — сказала я. — Вы подошли. Это уже

лучше половины мужчин в этом городе.

Он засмеялся, и смех у него был хороший, громкий, без всякого расчёта.

— Кирилл, — сказал он и протянул руку.

— Ника.

— Ника, — повторил он. — Как из книги.

— Как из половины книг, которые я редактирую.

— Вы редактируете книги? — Он присвистнул. — Вот это да. Значит, вы тот человек, который ставит запятые в чужих судьбах.

— Я ставлю запятые в чужих запятых. Это сложнее, чем кажется.

Он опять засмеялся и сел на стул напротив, не спрашивая разрешения, но как-то так легко, что возражать было бы странно.

— Слушайте, у меня есть анекдот. Можно я расскажу? Он короткий.

— Рассказывайте.

— Мужик приходит к врачу и говорит: «Доктор, у меня всё болит». Врач его осматривает и спрашивает: «А вы чем работаете?» Тот говорит: «Кладу плитку». Врач: «Ну вот и не кладите».

Я фыркнула, хотя анекдот был дурацкий. Самое смешное в нём было то, как Кирилл его рассказывал: с паузами, с поднятым пальцем, с лицом человека, который уверен, что сейчас будет смешно, и нисколько не огорчится, если нет.

— Спасибо, — сказала я. — Мне это было нужно.

— Видите. А вы сидели тут такая серьёзная.

— Я мокрая. Мокрая и серьёзная — это разное.

— Слушайте, — сказал он, — а пойдёмте к нам за столик? Там мой друг, он ворчит, но он не страшный. Посидим, дождёмся, когда дождь кончится.

Вот оно. Я даже не сразу нашлась, что сказать, потому что сидеть за одним столом с Дарком входило в список вещей, которые я не хотела делать в этой жизни вообще никогда.

— Спасибо, — сказала я. — Я лучше здесь.

— Почему?

— Потому что я на работе. Почти.

— Ну так и мы почти на работе.

— И потому что я не люблю навязываться.

Кирилл посмотрел на меня внимательно и вдруг сказал, понизив голос:

— Вы его знаете, да? Моего друга.

— Мы встречались на дне рождения.

— И? — Он поднял брови. — Не понравился?

— Он облил меня шампанским.

— Он? Вас?

— Формально я его облила. Но он стоял неправильно.

Кирилл захохотал так, что на нас обернулась половина кафе. Я шикнула на него, но было уже поздно: за столиком у стены отодвинулось кресло, и Дарк встал.

Он взял свою чашку и чашку Кирилла, неторопливо обо-

шёл столики и остановился рядом с нами.

— Кирилл, — сказал он спокойно. — Девушка не хочет идти к нам. Значит, мы идём к ней. Подвинься.

— Я не приглашала, — сказала я.

— Я знаю, — сказал он и опустился на стул напротив, поставив перед собой чашку. — Но дождь идёт уже двадцать минут, а Кирилл уже начал рассказывать про плитку. Это значит, что он нервничает и ему нужно с кем-то поговорить. Побудьте этим кем-то.

— Вам не приходило в голову, что я могу не хотеть разговаривать с вами?

— Приходило, — сказал он. — Но тогда бы вы пересели в другой угол, когда я вошёл.

Я открыла рот и закрыла. Он был прав, и это было хуже всего.

— Ладно, — сказала я. — Двадцать минут. Потом дождь кончится, и я уйду.

— Двадцать минут, — согласился он.

Кирилл смотрел на нас по очереди, и на лице у него было написано живейшее любопытство.

— Так, — сказал он. — Я понял что вы знакомы.

— Познакомились на дне рождения Кэти, — сказал Дарк. — Сестры моей девушки.

— Двоюродной сестры, — уточнила я.

— Даже так, — сказал Кирилл. — А почему мне об этом никто не рассказал?

— Потому что рассказывать нечего.

— Нечего, — повторил Кирилл и посмотрел на мокрое пятно, которое, впрочем, было на мне, а не на Дарке. — Ага.

Дарк откинулся на спинку стула и посмотрел на меня через стол.

— Смотрите, — сказал он, — только не облейте меня горячим кофе. У меня с утра была одна неприятность с жидкостями, второй я не вынесу.

Я поставила чашку на стол, аккуратно, как ставят гранату.

— Я подумаю.

Кирилл переводил взгляд с него на меня и обратно и, кажется, получал от этого искреннее удовольствие.

— Ладно, — сказал он. — Ника, рассказывайте. Кем вы работаете? Вы сказали, редактируете книги, а где?

— В издательстве. У нас небольшая редакция, но издаём много. Художественная литература в основном. Иногда нонфикшн.

— И как? Нравится?

— Очень. — Я сказала это быстрее, чем собиралась, и сама удивилась, насколько это было правдой. — Я люблю текст. Люблю, когда автор приносит что-то живое и не может понять, что с этим делать, а ты находишь, где у него скрипит. Это как разбирать часы, только детали из слов.

— Красиво сказали.

— Я работаю со словами. Это профессиональное.

Дарк молчал. Он сидел, держа чашку двумя пальцами, и

смотрел на меня так, как смотрят на человека, который говорит не то, что от него ждут, и от этого становится только интереснее.

— А в выходные что? — не отставал Кирилл.

— В выходные я в основном дома. Или у Кэти.

— У Кэти, — повторил он. — Это у которой был день рождения?

— Да. Мы дружим со студенчества. — Я отпила кофе. — Нам обеим по двадцать девять, но она на два месяца старше и все эти два месяца напоминает мне об этом.

— Двадцать девять, — сказал Кирилл мечтательно. — Хороший возраст. Я в двадцать девять купил свою первую машину и разбил её через месяц.

— Как вам это удаётся?

— Талант.

Дарк поставил чашку.

— Кирилл, ты не даёшь человеку допить.

— Я развлекаю.

— Ты допрашиваешь.

— Я интересуюсь.

Я посмотрела на Дарка. Он смотрел на меня и улыбался одним углом рта, и я почувствовала, как внутри поднимается раздражение: ровное, тёплое, знакомое, как вода в чайнике.

— Мне не тяжело, — сказала я. — В отличие от вас, он хотя бы задаёт вопросы.

— Я задал вам вопрос в первый вечер.

— Вы спросили, куда прислать счёт.

— Это тоже вопрос.

— Это было предложение.

— Ну вот, — сказал Кирилл.

Я рассмеялась, неожиданно для себя. И в этот момент поймала взгляд Дарка. Он смотрел на меня, а я смотрела на него, и раздражение куда-то делось, растворилось, как сахар в горячем. В его глазах не было ни насмешки, ни превосходства. Было что-то другое, чего я не могла назвать, и от этого мне стало не по себе.

Я отвернулась первой.

— Ещё кофе? — спросила я, чтобы что-то сказать.

— Вам уже хватит, — сказал Дарк. — У вас руки трясутся.

Я посмотрела на свою руку. Рука и правда чуть подрагивала, но это было от холода, а не от кофе, и я собиралась так ему и сказать, а сказала:

— С чего вы взяли, что я вообще собираюсь вас слушать?

— Я и не взял.

Кирилл встал и пошёл к стойке за второй чашкой, и за нашим столом стало тихо.

— Вы его не бойтесь, — сказал Дарк, не глядя на меня. — Он безобидный.

— А вас?

Он повернул голову. Смотрел долго, спокойно, и я вдруг поняла, что за весь разговор он ни разу не отвёл глаз первым.

— А я нет, — сказал он.

Кирилл поднял обе руки:

— Так, мир. Мы все промокли, все устали, давайте пить кофе.

Но тут за окном посветлело. Мы все трое обернулись: дождь и правда стал реже, потом ещё реже, и вот уже по мокрому асфальту побежали редкие капли, а через минуту сквозь тучи пробилось солнце, и набережная сделалась ослепительно белой.

— Приехали, — сказала я и встала.

— Куда вы? — спросил Кирилл.

— На работу. Мне ещё отчитываться за опоздание.

— Давайте я вас подвезу.

— У меня телефон. Я вызову такси.

— Вы уверены?

— Вполне.

Он не стал настаивать, и я была ему за это благодарна. Забрала сумку со спинки стула, накинула мокрое пальто, кивнула обоим и пошла к двери, и колокольчик надо мной звякнул, а я вышла на улицу, где воздух был резкий, чистый, пахло мокрым камнем, и солнце слепило глаза.

И всё-таки, стоя у обочины с телефоном, пока искалось такси, я поймала себя на том, что не думаю ни о работе, ни об опоздании, ни о том, как я выгляжу. Я думала о том, как он сказал «у вас руки трясутся», и о том, почему мне от этого тепло.

И ещё одна мысль не давала мне покоя. Что они делали в

половине девятого утра в кафе, где кофе стоит триста рублей и пахнет корицей? Судя по рубашкам, часам и тому, как они держались, такие мужчины завтракают в других местах: в ресторанах с белыми скатертями, в офисах с видом на реку, в аэропортах, в конце концов. А тут — шесть столиков, парень с татуировками и половина посетителей в мокрых куртках.

Может, у них тут встреча. Может, у Кирилла тут работает кто-то знакомый. Может, у Дарка ломалась машина.

Я не нашла ответа и решила, что мне всё равно.

Такси подъехало через три минуты. Я села на заднее сиденье и вдруг, не удержавшись, обернулась к окнам кафе.

Они стояли у стола. Оба. И оба смотрели мне вслед.

Я улыбнулась и отвернулась к дороге.

Глава 4 Выговор.

В издательство я вошла в двадцать минут десятого, мокрая, с чёрной полосой на щеке, которую стёрла только на крыльце, и с видом человека, который всё контролирует.

— Доброе утро, — сказала Оля с ресепшена, поднимая на меня глаза. — Ты в курсе, что Вальтер уже два раза спрашивал, где ты?

— А он не сказал, зачем?

— Он сказал: «Пусть зайдёт, как появится». Тон был такой, что я даже не стала уточнять.

Я вздохнула и пошла по коридору, оставляя за собой мокрые следы. В редакции пахло бумагой, кофе и принтером, как всегда. За стеклянной перегородкой мои коллеги делали

вид, что работают: Марина строчила по клавиатуре с такой скоростью, будто от этого зависела её жизнь, а Дима смотрел в монитор с выражением глубокой мысли, хотя я готова была поспорить, что у него открыт пасьянс.

— Ты чего такая? — спросила Марина, не поднимая головы.

— Дождь.

— Ты вся мокрая.

— Именно.

Я повесила пальто на спинку стула, хотя оно было таким же мокрым, как и я, достала из сумки ноутбук и обнаружила, что он тоже немного того. На столе меня ждала рукопись с запиской от автора: «Посмотрите, пожалуйста, главы с семнадцатой по двадцатую, я там всё переделал, стало лучше». Автор всегда считает, что стало лучше.

— Ника, — сказал Дима из-за монитора. — Тебя Вальтер.

— Уже иду.

Я поправила волосы, насколько это было возможно, и пошла к его кабинету. По дороге попробовала вспомнить, зачем он мог меня звать, и не нашла ничего, кроме опоздания. В это утро опоздание было единственным, что я сделала.

Кабинет Вальтера находился в конце коридора, и дверь была приоткрыта. Я постучала.

— Входите, — сказал он.

Вальтер сидел за своим столом, большой, в белой рубашке с закатанными рукавами, с лысиной, которую он стара-

тельно зачёсывал с висков, и с часами, которые он постоянно проверял. Ему было пятьдесят. Он был не толстый и не худой, а какой-то мягкий, как подушка, и это было в нём самое неприятное, потому что подушки обычно не смотрят на женщин так, как смотрел он.

— Здравствуйте, Вальтер.

— Ника. — Он откинулся в кресле. — Присаживайтесь.

Я села. Стул был низкий, а стол высокий, и получалось так, что я смотрела на него снизу вверх. Он это знал. Он всегда знал, как расставить мебель.

— Который час? — спросил он.

— Двадцать минут десятого.

— А который час вы должны были быть на месте?

— В девять.

— В девять. — Он посмотрел на часы, потом на меня. — Я не понимаю, Ника. Мы же договаривались.

— Я знаю. Извините. Дождь, автобус не пришёл, я шла пешком и промокла.

— У вас есть зонт?

— Дома.

— Дома, — повторил он с удовольствием, как будто я сообщила ему что-то важное. — Вот и получается, что вы не готовитесь. Вы никогда не готовитесь, Ника. Вы талантливый редактор, я это всегда говорил, вы лучший редактор в этом городе, наверное, но вы не готовитесь. А дисциплина, знаете ли, важнее таланта. Талант можно купить, дисципли-

ну нельзя.

Я кивнула. Спорить было бессмысленно, а он не любил, когда спорили.

— Я вас не увольняю, — сказал он. — Вы же понимаете, что я вас не увольняю.

— Понимаю.

— Потому что такого редактора, как вы, днём с огнём не найти. Я вам говорю это не для того, чтобы вы зазнавались, а чтобы вы понимали, как мы вас ценим.

«Мы» в его речи всегда означало «я».

— Спасибо, Вальтер.

— Пожалуйста. — Он подался вперёд, положив локти на стол. — Вы знаете, что я к вам очень хорошо отношусь.

— Знаю.

— Очень хорошо. — Он сделал паузу. — Вы могли бы тоже относиться ко мне немного лучше.

Вот оно началось.

— Я вас не понимаю, — сказала я ровно.

— Понимаете. — Он улыбнулся. — Я приглашал вас поужинать, кажется, три раза.

— И я три раза отказалась.

— А вы подумайте. Не так много времени нужно, чтобы подумать. — Он взял со стола ручку, покрутил её в пальцах. — Я не мальчик, я не буду ухаживать месяцами. Но мне было бы приятно, если бы вы составили мне компанию в пятницу. Хороший ресторан, спокойный разговор. Может быть, потом

в другое место.

Я смотрела на его руку с ручкой и думала о том, что если бы сейчас в дверь вошёл кто-нибудь из начальства повыше, он бы в ту же секунду стал другим человеком: деловым, вежливым, отеческим. Все это знали. Никто не входил.

— Мне было бы неприятно, — сказала я.

— Что?

— Если бы вы продолжили этот разговор. Мне было бы неприятно, Вальтер. Я предпочла бы работать.

Он положил ручку. Улыбка с его лица не ушла, но стала другой: тоньше, холоднее.

— Вы уверены, что хотите так разговаривать с человеком, который решает, сколько вы здесь получаете?

— Я уверена, что хочу разговаривать с вами о работе.

— А если я решу, что вы больше не работаете?

— Вы не решите.

Он прищурился.

— Почему вы так думаете?

— Потому что вы сами только что сказали: такого редактора, как я, днём с огнём не найти. — Я старалась, чтобы голос не дрожал, и он почти не дрожал. — И ещё потому, что увольнение без причины — это не ваше решение. Есть выше, и туда можно написать.

Вальтер откинулся в кресле и посмотрел на меня так, как смотрят на вещь, которая внезапно оказалась острее, чем выглядела.

— Вы мне угрожаете?

— Я вам объясняю, как это работает. Вы же сами хотели, чтобы я готовилась.

Повисла пауза. В коридоре кто-то прошёл, стуча каблуками, и этот звук вдруг показался мне очень громким.

— Знаете, что мне в вас нравится, Ника? — сказал он наконец. — Вы дерзкая. Мне это нравится. Другие мямлят, краснеют, а вы держите спину. — Он снова взял ручку. — Но я вам дам совет, как старший товарищ. Не путайте дерзость с защитой. Здесь у вас нет защиты. Здесь у вас есть я, и пока я к вам хорошо отношусь, всё идёт хорошо. Как только я перестану — вам станет очень неуютно.

— Это вы мне тоже объясняете, как это работает?

— Я просто говорю. — Он пожал плечами. — Идите. И опозданий больше не надо, ладно? Я же по-человечески прошу.

Я встала. Внутри у меня всё тряслось, но ноги шли ровно, и я даже сумела прикрыть за собой дверь так, чтобы она не хлопнула.

В коридоре я прислонилась к стене и постояла секунд десять. Потом достала телефон, посмотрела на него и убрала обратно. Жаловаться было некому: выше Вальтера сидел человек, который появлялся в издательстве два раза в месяц, звал всех по имени и понятия не имел, что происходит в редакциях.

За стеклянной перегородкой Марина подняла на меня

глаза и показала большой палец. Я показала ей кулак и вернулась на место.

Я часто представляла, как это случится. Как в издательство придёт женщина из головного офиса, строгая, в сером костюме, и спросит у нас по очереди, как нам работается с Вальтером. Как Марина скажет всё, что думает. Как Дима вдруг перестанет бояться и добавит. Как Вальтер будет сидеть напротив и улыбаться своей мягкой улыбкой, а потом его попросят освободить кабинет, и он вынесет из него коробку с вещами и часами на запястье.

Я представляла себе это так ярко и так часто, что иногда мне казалось, что это уже случилось когда-то в другой жизни, а в этой просто задержалось.

Но проходил день за днём, и никто не приходил, и у каждого находилась причина молчать: у Марины ипотека, у Димы маленький ребёнок, у меня — «он же не делает ничего такого, он просто говорит».

Работа, к счастью, умеет забирать человека целиком.

Я открыла рукопись и ушла в неё, как в воду: главы с семнадцатой по двадцатую, где автор всё переделал и стало лучше. Стало не лучше. Стало хуже, потому что он вырезал живые сцены и добавил объяснения того, что и так было понятно, и я два часа правила то, что он с таким усилием написал, и в конце концов у меня получилось почти нормально.

В обед пришла Кэти, вся в солнечном свете, с двумя стаканами кофе, и я впервые за день расслабилась. Мы посиде-

ли на подоконнике в коридоре, как студентки.

— Он тебя опять вызывал? — спросила она, кивнув в сторону кабинета.

— Опоздание.

— И всё?

— И всё.

Кэти посмотрела на меня поверх стакана.

— Ника.

— Что?

— Ты когда-нибудь скажешь кому-нибудь, что здесь творится?

— Скажу, — сказала я. — Когда найду человека, который сможет что-то сделать.

— Может, стоит поискать?

— Кэти, у него связи. Он двадцать лет в этом городе. Если я подниму это, я останусь без работы и без рекомендаций.

— А если не поднимешь, ты останешься без себя.

Я отпила кофе и ничего не ответила, потому что в такие моменты любые слова звучат как оправдание.

Она ушла в час, а я вернулась к рукописи.

За полчаса до конца дня Вальтер вышел из кабинета. Я услышала его раньше, чем увидела: он всегда шёл по коридору медленно, здоровался с каждым, останавливался у столов, интересовался делами. Сейчас он остановился у моего.

— Ну как, Ника? — спросил он, опираясь ладонью на спинку моего стула. — Работается?

— Работается.

— А то вы сегодня какая-то... задумчивая. — Он наклонился ближе, и я почувствовала его одеколон. — Может, всё-таки передумаете насчёт пятницы? Я же вижу, когда женщина думает.

Марина за перегородкой не поднимала головы, но я знала, что она слышит каждое слово. Дима тоже слышал. Все всё слышали и все делали вид, что не слышат, и это было устроено так специально, чтобы никто ни за что не отвечал.

— Я не передумаю, — сказала я, глядя в монитор.

— Жаль, — сказал он. — Я терпеливый.

Он убрал руку и пошёл дальше по коридору, а я смотрела в экран, где стояли слова, которые я правила в третий раз, и не видела ни одного из них.

День покатился дальше: почта, звонок от автора, который не согласился с моей правкой, ещё одна рукопись, которую нужно было посмотреть до пятницы, и мокрое пальто, которое так и не высохло и пахло дождём.

А между всем этим я ловила себя на вещах, которых не собиралась думать.

Я вспоминала, как в кафе пахло корицей. Как Кирилл рассказывал про плитку и как смеялся. Как Дарк сказал: «У вас руки трясутся», и как он смотрел, когда я его спросила, можно ли его не бояться.

Один раз я поймала себя на том, что сижу с рукой на клавиатуре и не набираю ни буквы, а в окне отражается моё ли-

цо с улыбкой, которую я тут же стёрла. Это было хуже всего. Я злилась на себя так, как не злилась на Вальтера.

Кирилл хороший. Кирилл смешной, добрый, безобидный. Кирилл угостил меня кофе и рассказал анекдот, и с ним было легко. Я должна была весь день думать о Кирилле.

Я думала не о Кирилле.

Домой я шла пешком, потому что день кончился, дождь давно перестал, и в воздухе стояла та осенняя сырость, от которой хочется застегнуть пальто до горла и идти быстро, глядя под ноги. Листья на тротуаре размокли и прилипали к подошвам. Пахло мокрым камнем и где-то в стороне — жареным луком.

Я купила по дороге корм для Барсика и заодно взяла себе творожный сырок, потому что ужин готовить было лень.

Дома меня встретили так, как встречают только коты: сначала Барсик посмотрел на меня с дивана с выражением «ну наконец», потом спрыгнул, потёрся о ноги, а потом пошёл на кухню и сел у миски, всем видом показывая, что разговор окончен и пора переходить к делу.

— Да, господин, — сказала я и открыла ему корм.

Пока он ел, я разогрела вчерашнюю картошку с курицей, включила лампу над столом и села есть, глядя в окно, за которым зажигались окна в соседних домах. Дом у меня был небольшой, но свой: два этажа, скрипучая лестница, кухня, в которую я вложила больше сил, чем в некоторые рукописи. Родители подарили мне его три года назад, когда уезжали, и

я до сих пор не знала, как их за это благодарить, потому что благодарность такого размера не помещалась в слова.

Я сидела, ела картошку и думала.

Думала о Вальтере: о его ручке, о его «я вам дам совет, как старший товарищ», о том, как он сказал «вам станет очень неуютно» и как у меня после этого тряслись руки. Я не боялась его. Почти. Но я знала, что такие люди не прощают, и что «пока я к вам хорошо отношусь» — это не про отношение, а про срок.

Думала, что надо наконец решиться и уйти. Что таких издательств в городе три, а может, и пять. Что я не маленькая девочка, чтобы терпеть намёки человека, от которого пахнет одеколоном и властью.

А потом оказывалось, что я думаю совсем о другом.

Я вспомнила, как Дарк сидел напротив в кафе: рубашка с закатанными рукавами, чашка в двух пальцах, и как он сказал «а я нет» так, будто предупреждал. Вспомнила, как он велел Кириллу подвинуться и как он вообще не спросил, можно ли сесть за мой стол. Вспомнила, как он смотрел на меня, когда я говорила про свою работу.

Я злилась на себя и продолжала.

— Дура, — сказала я вслух.

Барсик поднял голову от миски и посмотрел на меня с осуждением.

— Он жених. У него невеста. Он наглый и грубый, и он мне не нравится.

Барсик вернулся к еде. Его мнение было написано на его морде: он всё понял, и он был обо мне невысокого мнения.

Я убрала тарелку, помыла посуду и села на диван с ноутбуком, собираясь посмотреть что-нибудь бессмысленное, чтобы выключить голову перед сном. Рука сама открыла не то окно.

В поиске я набрала «Дарк» и только потом поняла, что не знаю фамилии, и это было настолько глупо, что я засмеялась вслух. Тогда я набрала «Дарк» и «Кэти» — и не нашла ничего. Тогда «Дарк» и название ресторана. Ничего.

Я сидела и смотрела на пустую страницу, и мне было стыдно так, как не было стыдно даже перед Вальтером. Женщина двадцати девяти лет, редактор, взрослый человек, ищет в интернете мужчину, с которым разговаривала один раз в кафе и один раз на дне рождения.

Я закрыла ноутбук.

— Всё, — сказала я Барсику. — Это было в последний раз.

Барсик зевнул.

Я легла в постель, выключила свет и долго лежала, глядя в потолок, где отражались огни с улицы. Завтра будет новый день: рукопись, правки, Вальтер, который будет делать вид, что утром ничего не было. И ещё будет Кирилл, если позвонит, потому что он взял у Кэти номер, а Кэти редко отказывает людям с такими глазами.

Я сказала себе, что если Кирилл позвонит, я обязательно

соглашусь. Что с ним будет легко, спокойно и правильно, и что именно так всё и начинается у нормальных людей.

А потом, уже почти засыпая, я подумала: интересно, что сказал бы Дарк, если бы узнал, что я искала его в интернете.

И от этой мысли я проснулась окончательно и до утра так и не уснула.

Глава 5 Номер.

После того разговора Вальтер стал другим. Не грубым, нет. Он просто перестал заходить в мою сторону коридора.

Это было даже удобно. Я приходила вовремя, уходила вовремя, правила рукописи, отвечала на письма, и никто не останавливался у моего стула, чтобы поинтересоваться, как мне работается. Марина один раз спросила, что у нас произошло, и я сказала, что ничего. Она посмотрела на меня и сказала: «Ага», — тем самым тоном, которым женщины говорят «ага», когда всё понимают и не собираются лезть.

Так прошла неделя. Потом вторая.

В конце второй недели Марина поймала меня в коридоре у кулера.

— Слушай, — сказала она, оглянувшись. — Ты ничего не замечаешь?

— Что я должна замечать?

— Вальтер. Он же тебя не трогает.

— И слава богу.

— Ника, он тебя не трогает уже две недели. — Марина понизила голос. — Он так не умеет. Он или подходит, или

мстит. Третьего не бывает.

Я посмотрела на неё. Марина была старше меня на десять лет, работала в редакции дольше всех и знала про Вальтера такое, о чём я даже не догадывалась.

— И что это значит?

— Это значит, что он что-то придумал. — Она отпила воды. — Может, ждёт, когда ты расслабишься. Может, готовит что-то с распределением рукописей. Может, просто копит злость. Я не знаю, я не он. Но я бы на твоём месте не расслаблялась.

— Спасибо, — сказала я. — Ты очень утешаешь.

— Я не утешаю, я предупреждаю.

Через два дня Вальтер прислал мне письмо — официальное, с копией в общий отдел, — о том, что с понедельника я веду не только свою линию, но и линию авторов, которые раньше были на Марине. Работы становилось вдвое больше. В письме не было ни одной грубости. Там было только «в связи с производственной необходимостью» и «рассчитываю на вашу компетентность».

Марина прочитала его через моё плечо и сказала:

— Вот. Я же говорила.

— Это просто работа.

— Это не просто работа, это способ тебя вымотать.

Я знала. Но отказаться было нельзя: отказ выглядел бы как нежелание работать, а Вальтер только этого и ждал. Я ответила «хорошо, принято» и весь вечер просидела над чу-

жими рукописями, потому что если не сделать этого сегодня, завтра будет вдвое больше.

Три вечера подряд я приходила домой в десятом часу, ставила сумку на пол и садилась прямо в прихожей, не снимая пальто. Барсик выходил ко мне, смотрел с укором и уходил обратно на диван. В такие минуты мне казалось, что я вижу свою жизнь вперёд на много лет: чужие рукописи, чужая воля, чужие слова, и я в этом всём — как белка в колесе, которое кто-то другой смастерил.

А потом я вставала, снимала пальто и шла на кухню. Потому что есть всё равно надо.

Я жила по расписанию, которое сама себе придумала, и это расписание было единственным, что в моей жизни работало без сбоев. Вставала в семь, варила кофе, кормила Барсика, шла на работу, приходила, готовила, читала, ложилась спать. Иногда заходила в магазин за продуктами и за кормом, и продавщица в зоомагазине уже здоровалась со мной как со своей.

— Опять рыжему? — спрашивала она.

— Опять рыжему.

— Он у вас не толстеет?

— Он у меня спортивный.

Барсик действительно был спортивный: он мог часами лежать на подоконнике и наблюдать за голубями с видом стратега, а потом за одну секунду сбросить с полки чашку и сделать вид, что это она сама.

Вечера я любила больше всего. Осенью темнеет рано, и в доме становится уютно: лампа над столом, кастрюля на плите, кот под боком. Я готовила то, что готовят люди, которые живут одни и не любят выбрасывать еду: суп на три дня, картошку с курицей, пасту с овощами, иногда что-нибудь новое, если попадался хороший рецепт. Я люблю, когда пахнет. Я думаю, что дом — это в первую очередь запах, а уже потом стены.

Дом достался мне не по наследству и не в кредит. Три года назад мои родители уехали в другую страну, потому что отцу предложили там работу, от которой он не смог отказаться. Отец у меня профессор, мама всю жизнь была домохозяйкой, и денег у нас никогда не водилось лишних: квартира, дача, поезд в отпуск раз в год. Когда они решили уезжать, они продали квартиру, добавили к этой сумме всё, что копили двадцать лет, и купили мне дом.

Я до сих пор помню, как отец сказал об этом за ужином, глядя в тарелку, будто извинялся.

— Мы посоветовались с мамой. Тебе будет где жить.

— Папа, это огромные деньги.

— Это не деньги, — сказал он. — Это мы.

Я тогда расплакалась, а мама сказала, что я дура, потому что дом ещё надо посмотреть. Дом мы посмотрели через неделю. Старенький, двухэтажный, с кривой лестницей и садом, в котором росли три яблони и что-то ещё, что я до сих пор не могу опознать. Он был некрасивый и очень тёплый, и

я поняла, что это мой, ещё до того, как вошла в дверь.

Ремонт я делала сама. Не так, как делают люди, которые нанимают бригаду, а по-настоящему: красила стены в старом свитере, собирала полки, таскала мебель, ругалась с электриком, сажала под окнами куст сирени, который прижился с третьего раза. В кухне я поменяла всё, кроме трубы, и теперь там можно было готовить, пить вино и смотреть в окно на яблони одновременно.

Родители приезжают раз в год, на две недели. Мама каждый раз говорит, что я запустила сад, и каждый раз что-то в нём пересаживает.

Кэти выросла совсем в другом доме. Её отец — известный в городе человек, у него строительная компания, мать держит магазин дорогой женской одежды, и квартира у них такая, что я в первый раз боялась сесть на диван. Но Кэти при этом не избалованная: она с шестнадцати лет работала, хотя деньги у неё были, и она умеет дружить так, как умеют немногие.

Когда я была у неё первый раз, её мать вышла ко мне в фартуке, спросила, как меня зовут, и через полчаса я уже ела пирог на их кухне и рассказывала, что хочу поступать на филфак. Она до сих пор звонит мне на день рождения и спрашивает, не хочу ли я приехать на выходные. Мы с Кэти никогда не выясняли, кто из нас кому больше нужен. Мы просто дружили, все эти годы, без ссор и без выяснений, и я не знаю, что должно было бы случиться, чтобы это слома-

лось.

Кэти говорила, что я готовлю лучше всех, кого она знает. Она вообще была щедра на похвалы, но в этом вопросе не врала: она приезжала, ела и стонала, как будто я её кормлю не макаронами, а чем-то запрещённым.

— Ника, — говорила она, — тебе надо было не редактором быть, а открыть ресторан.

— И работать по шестнадцать часов в день.

— Ну да. — Она задумывалась. — Нет, не надо. Ты тогда перестанешь готовить.

Кэти приезжала обычно в четверг или в пятницу, иногда с вином, иногда с пирожными, иногда просто так, после работы, в пальто поверх домашнего платья, потому что «мне надо к тебе, я не могу больше смотреть на эти бумаги». У неё была своя жизнь, богатая, с приёмами и знакомыми, которых я видела только на фотографиях, и всё равно она приезжала ко мне на кухню и сидела на табуретке, подперев подбородок рукой.

— Как Вальтер? — спрашивала она каждый раз.

— Не подходит.

— Совсем?

— Совсем.

— Это хорошо, — говорила она. — Это значит, что он тебя боится.

— Это значит, что он ждёт, когда я расслаблюсь.

Кэти вздыхала и наливала себе ещё.

Однажды она приехала совсем поздно, в субботу, мокрая от дождя, и сказала, что у неё был день рождения у тётки, на котором она полтора часа слушала, как её мать обсуждает с Мари свадьбу. Я спросила, какую свадьбу, и она посмотрела на меня так, будто я спросила, какого цвета небо.

— Дарка и Мари, — сказала она. — Ты что, забыла?

Я не забыла. Я просто надеялась, что больше не придётся об этом говорить.

— Они назначают дату?

— Пока нет. Мари хочет весной. Он говорит, что осенью, потому что весной у него какой-то важный период на работе. — Кэти взяла яблоко из вазы, повертела его в руке и положила обратно. — Мама говорит, что он тянет. А я думаю, что он не тянет, он просто делает так, как ему удобно, и всем приходится подстраиваться.

— А Мари?

— Мари в восторге. Он подарил ей машину.

Я нарезала овощи и молчала, потому что мне нечего было сказать, а сказать что-то очень хотелось.

— Ты его не любишь, — сказала Кэти.

— Я его не знаю.

— Ну да, — сказала она. — Это разные вещи.

Она просидела у меня до полуночи, мы выпили бутылку вина на двоих и проговорили обо всём, кроме Дарка. О том, как Марина из редакции тайно ходит на курсы иллюстрации. О том, что Кэти хочет в Париж, но не с Мари, потому что

Мари в Париже становится невыносимой. О том, что я когда-нибудь всё-таки напишу свою книгу, и она будет смешная, и никто её не купит.

— Потому что ты пишешь, как говоришь, — сказала Кэти. — Это редкость.

— Мне говорят, что это недостаток.

— Тебе говорят люди, которые зарабатывают на том, чтобы все говорили одинаково.

— А у тебя как? — спросила Кэти, когда вино кончилось и говорить стало легче.

— Что у меня?

— Ты знаешь что.

Я знала. У меня не было никого уже два года. Был мужчина до этого, давно, ещё до дома, и мы расстались тихо, без сцен, потому что оба поняли, что не подходим друг другу, только он понял это на полгода раньше. С тех пор у меня были работа, кот, дом и подруга, и мне казалось, что этого достаточно.

— Никак, — сказала я.

— Так не бывает.

— Бывает. Я проверяла.

Кэти посмотрела на меня и не стала спорить, за что я была ей благодарна. Она только сказала:

— Ты не старая. И не страшная. И не глупая. Просто на всякий случай.

— Спасибо. Очень помогло.

— Пожалуйста, — сказала она и уехала.

Когда она уехала, я помыла бокалы и выключила свет, и в доме стало тихо так, как бывает только в старых домах, когда все ушли.

Осень шла к концу. Деревья за окном стояли почти голые, по утрам на крышах машин лежал иней, и в магазинах начали продавать мандарины, потому что до Нового года оставалось меньше, чем кажется.

А потом позвонила Кэти.

Был четверг, половина девятого, я стояла у плиты в фартуке и мешала соус, а телефон лежал на столе и вибрировал, показывая её имя на экране.

— Привет, — сказала я, прижимая телефон плечом к уху.

— Привет. Ты что делаешь?

— Готовлю.

— Опять?

— Люди едят каждый день, Кэти.

— Я знаю, но я не понимаю, как можно каждый день готовить что-то новое. Я вчера разогревала пиццу.

— Ты вчера её и заказывала.

— Вот видишь, — сказала она. — У тебя талант.

Я засмеялась и переложила телефон в другую руку.

— Ты чего звонишь? — спросила я. — Что-то случилось?

— Ничего не случилось. То есть случилось, но не плохое. — Она помолчала. — Ты не хочешь приехать? У меня есть торт и ужасное настроение.

— Ужасное настроение — это не повод ехать через полгорода.

— А торт?

— Торт — повод, — согласилась я. — Но я уже в соусе и в тапках.

— Ника.

— Кэти, я правда устала. Давай в субботу.

— Ладно, — сказала она так быстро, что я насторожилась. — Ладно. Тогда я сразу скажу, чтобы ты не умирала от любопытства.

— Что?

— Только не злись.

— Кэти.

— Я дала Кириллу твой номер.

Я перестала мешать соус.

— Ты что сделала?

— Он попросил. — Она говорила очень быстро, как говорят люди, которые заранее приготовили оправдание. — Он позвонил мне вчера, спросил, как тебя найти, сказал, что вы познакомились в кафе, что ты ему очень понравилась и что он не хочет быть навязчивым, но очень хочет тебя ещё раз увидеть. И я подумала: а почему нет?

— Почему нет? — повторила я. — Кэти, ты не спросила меня.

— Я знаю.

— Ты не имела права давать мой номер незнакомому муж-

чине.

— Он не незнакомый. Он друг Дарка.

— Это не улучшает ситуацию, это делает её хуже.

— Почему? — искренне удивилась она.

Я открыла рот и закрыла. Соус на плите начал пригорать, и я убрала огонь.

— Потому что, — сказала я, — если я хочу, чтобы кто-то получил мой номер, я его сама дам.

— Вот и отлично, — сказала Кэти. — Я так и подумала.

— Что?

— Что ты сама не дашь.

Я засмеялась, хотя злилась. С Кэти всегда было так: сначала злишься, потом смеёшься, потом понимаешь, что она всё равно сделала по-своему.

— И что теперь? — спросила я.

— Теперь он позвонит. Сегодня. Он сказал, что позвонит сегодня вечером, и я сказала, что ты, скорее всего, будешь дома, потому что ты всегда дома.

— Замечательно. Ты ещё и график мой ему выдала.

— Я забочусь о твоей личной жизни, — гордо сказала Кэти. — Кто-то же должен.

— Кирилл мне не нравится.

— Почему?

— Он слишком... — я поискала слово, — простой.

— Простой? — Кэти засмеялась. — Он смешной, добрый, зарабатывает нормально, у него хорошие глаза. Что тебе ещё

нужно?

Я не нашла, что ответить, потому что мне не хотелось говорить ей, что мне нужно. Мне нужно было, чтобы при одном взгляде на человека у меня внутри что-то обрывалось, как тогда, в ресторане, когда я обернулась и увидела, что он смотрит. И я прекрасно понимала, что это глупо и что так не выбирают.

— Ничего, — сказала я. — Он хороший.

— Вот и познакомься с ним поближе. — Кэти зевнула. — Обещай, что возьмёшь трубку.

— Может быть.

— Ника.

— Хорошо. Возьму.

— Вот и умница, — сказала она и повесила трубку.

Я осталась стоять у плиты с телефоном в руке. Соус был испорчен. В окне отражалась кухня: лампа, кастрюля, я в фартуке и рыжий кот, который сидел на подоконнике и смотрел на улицу.

Я посмотрела на телефон. На нём ничего не было: ни звонка, ни сообщения.

Потом я убрала соус с плиты, вымыла кастрюлю, вытерла стол и пошла в ванную, хотя обычно не хожу в ванную в четверг.

Вернувшись, я обнаружила телефон на том же месте. Он молчал.

Я села на диван, взяла книгу, открыла её и поняла, что

читаю одну и ту же строчку третий раз. Тогда я положила книгу и сказала себе, что мне всё равно, и что я вообще не собираюсь сидеть и ждать звонка незнакомого мужчины, который познакомился со мной в кафе, где я была мокрая и с чёрной полосой на щеке.

Телефон зазвонил в девять.

Я посмотрела на экран. Незнакомый номер.

Я выдохнула, сосчитала до трёх и взяла трубку.

Глава 6 Торт и курица.

— Алло, — сказала я.

— Ника? — Голос был тот самый, с улыбкой внутри. — Это Кирилл. Из кафе. Мокрое платье, чёрная полоса на щеке.

— Я помню.

— Я на всякий случай. Вдруг таких, как я, у вас много.

Я стояла посреди комнаты с телефоном у уха и не знала, куда деть свободную руку.

— Откуда у вас мой номер? — спросила я, хотя знала ответ.

— Кэти дала. — Он помолчал и добавил: — Понимаю, как это выглядит. Я не хотел звонить без спроса, но не знал, как иначе. Я мог подойти в кафе и спросить, но вы бы не дали.

— Не дала бы.

— Вот видите. А я, между прочим, собирался спросить красиво. С фокусом.

— С фокусом?

— Я умею доставать монетку из-за уха. Это производит впечатление на детей и на бабушек.

Я засмеялась и тут же на себя рассердилась.

— Кирилл.

— Да?

— Так нельзя.

— Я знаю, — сказал он совершенно серьёзно. — Поэтому и извиняюсь. Если хотите, я скажу Кэти, чтобы она больше ничего обо мне не передавала, и мы забудем, что я звонил.

Вот тут он меня поймал. Он дал мне выход, и от этого отказываться стало вдруг глупо.

— Не надо ничего передавать, — сказала я. — Просто в следующий раз спрашивайте у меня.

— Обещаю.

— Хорошо.

— Тогда я задаю вопрос. — Он сделал паузу. — Ника, вы не хотите встретиться? Завтра, после работы. Есть хорошее место, недалеко от вас, там делают кофе и не смотрят на часы.

Я почти согласилась. Правда почти. Но что-то внутри меня сказало: не так быстро.

— Завтра не получится.

— Послезавтра?

— Тоже не получится.

— Вы сейчас отказываетесь или проверяете, сколько раз я спрошу?

— Я сейчас занята, — сказала я. — У меня вторая половина рукописей и больной кот.

— Кот умирает?

— Кот здоров. Он сидит на подоконнике и смотрит на голубей.

— Тогда я приеду к вам, — сказал он.

— Что?

— Я приеду к вам. С тортом. Мы выпьем кофе, а вы будете работать, если нужно, и я вам не помешаю. Я буду сидеть на кухне и говорить тихо.

— Кирилл, я не приглашаю незнакомых мужчин домой.

— Во-первых, я не незнакомый. Я Кирилл, умею показывать фокусы. Во-вторых, я не буду приставать. Совсем. Я обещаю. — Он помолчал. — У вас есть такое правило, откуда вы не видите, как люди ведут себя на кухне. А люди на кухне одни, в другом виде, и это самое честное место в доме.

Я хотела отказаться. Я точно собиралась отказаться, я уже открыла рот, чтобы сказать «нет, давайте лучше в кафе, когда-нибудь, я напишу».

А сказала:

— Через полчаса. И без фокусов.

— С фокусами, — сказал он. — С одним.

Я положила трубку и посмотрела на Барсика.

— Это не то, что ты думаешь, — сказала я.

Барсик смотрел на меня с подоконника, и в его жёлтых глазах не было ни капли веры.

Полчаса ушли на то, чтобы вымыть голову, потом вымыть голову ещё раз, потому что с первого раза получилось не так, потом накраситься и стереть макияж, потому что «просто кофе» не носят с таким лицом, а потом понять, что я делаю именно то, чего делать не собиралась, потому что я не жду мужчину, я просто приведу себя в порядок. Как для себя.

Машина въехала во двор ровно через тридцать минут.

Я услышала двигатель раньше, чем посмотрела в окно: у нас тихий двор, и любой чужой звук слышно. Открыла — и правда, у калитки стоит чёрная машина, а из неё выходит Кирилл с коробкой в руках и с тем самым лицом, которое умеет улыбаться за секунду до того, как человек его увидит.

— Вы быстро, — сказала я, открывая дверь.

— Я живу недалеко. — Он протянул коробку. — Торт. Шоколадный. Я спросил у Кэти, какой вы любите, потому что если бы я взял наугад, это было бы слишком самонадеянно.

— Вы спросили у Кэти, какой я люблю торт?

— Только про торт. Больше ничего не спрашивал.

— Что-то я вам не верю.

— И правильно, — сказал он и вошёл.

Он вошёл, как входят люди в дом, где им легко: снял ботинки сам, поставил их аккуратно, повесил куртку на крючок, а не куда попало, и сразу повернулся к Барсику, который смотрел на него с дивана с видом таможенника.

— Ого, — сказал Кирилл. — Это хозяин?

— Это Барсик. Он тут главный.

— Я так и понял. — Он присел на корточки и протянул руку. Барсик понюхал, подумал и ткнулся лбом в ладонь. — Всё, я принят.

— Надо же, — сказала я. — Обычно он три дня обижается.

— У меня с котами взаимопонимание.

— Вы и про котов расспрашивали Кэти?

— Про котов нет. Коты — импровизация.

Кухня была маленькая, но тёплая, и в ней пахло тем, что я готовила. Я подумала, что надо было заказать что-нибудь, чтобы в доме не пахло едой, но потом махнула рукой: это мой дом, и в нём пахнет картошкой с курицей.

— Ммм, — сказал Кирилл, втягивая воздух. — Что это?

— Картошка с курицей. В духовке. Я вчера делала.

— Это пахнет лучше, чем в любых ресторанах, где я был.

— Вы не были в нормальных ресторанах.

— Я был в очень дорогих. Там всё пахнет одинаково. — Он сел за стол. — Кормите.

Я разогрела картошку, достала тарелки и поставила чайник. Кирилл смотрел, как я двигаюсь по кухне, и не мешал, и это было приятно: обычно мужчины в чужом доме начинают подсказывать, где что должно лежать.

— А вы, — сказала я, садясь напротив. — Чем вы занимаетесь? Вы в кафе так и не сказали.

— Скучными вещами. — Он отправил в рот картошку и

зажмурился. — Боже. Простите. Это правда очень вкусно.

— Скучные вещи — это не ответ.

— Это честный ответ. Работаю с бумагами, с договорами, с людьми, которые всё время хотят изменить условия. Это не интересно рассказывать.

— А чем интересно?

Он задумался, прожевал.

— Я умею разбираться в людях, — сказал он. — Смешно звучит, да? Но это правда. Я вижу, когда человек врёт, когда боится, когда ему нужно просто, чтобы его выслушали. На работе это очень помогает.

— И про меня вы что видите?

Он посмотрел на меня внимательно, но без того оценивающего взгляда, от которого хочется поправить воротник.

— Вы устали, — сказал он. — Вы давно живёте одна и вам это нравится, но иногда вы приходите домой и садитесь в прихожей прямо в пальто. И ещё вы всё время себя проверяете: правильно ли сказали, правильно ли поступили. Как будто кто-то поставил вам оценку, а вы никак не можете её исправить.

Я положила вилку.

— Вы очень наблюдательный для человека со скучной работой.

— Я же говорил.

— Это неприятно, знаете ли. Когда тебя читают, как книгу.

— Простите. — Он улыбнулся. — Я больше не буду. По крайней мере, вслух.

Мы ели, и разговор шёл легко, как будто мы знали друг друга давно. Он рассказывал про свою сестру, которая живёт в другом городе и звонит ему каждое воскресенье, чтобы проверить, жив ли он. Я рассказывала про авторов, которые приносят рукописи и уверены, что редактор им враг. Он смеялся так громко, что Барсик дважды просыпался.

Потом мы пили чай с тортом, и он спросил:

— А вы почему одна?

— Вы прямо в лоб.

— А как надо?

— Надо сначала рассказать что-нибудь про себя, чтобы человек не чувствовал себя допрошенным.

— Хорошо. Я два года ни с кем не встречался. До этого была женщина, с которой мы были вместе долго, и мы расстались, потому что я не хотел того, чего хотела она. — Он пожал плечами. — Теперь ваша очередь.

— У меня был мужчина. Давно, — сказала я. — Мы расстались. Больше не было.

— Почему?

— Не знаю. — Я повертела чашку. — Сначала было не до этого, потом привыкла. У меня работа, дом, кот, подруга. Мне кажется, я умею быть одна, и это иногда пугает.

— Почему пугает?

— Потому что если умеешь быть одна, то потом уже не

понимаешь, зачем кто-то ещё.

Кирилл отставил чашку.

— Можно я скажу одну вещь? Только вы не злитесь.

— Попробуйте.

— Быть одному — это не умение. Это привычка. Как курить. — Он усмехнулся. — Я не говорю, что вам срочно нужен кто-то. Я говорю, что не надо путать привычку с характером.

Я хотела обидеться и не смогла, потому что он сказал это мягко и совершенно не для того, чтобы поставить меня на место.

— Вы опасный человек, Кирилл.

— Я знаю. Поэтому со мной надо осторожно.

Я поймала себя на мысли, которая показалась мне странной: он первый мужчина, который сидел на этой кухне. За три года, что я здесь жила, у меня в доме не было никого, кроме Кэти, мамы, когда она приезжала, и электрика, который чинил розетку и разговаривал с ней, как с живой. Всё, что было до, осталось в другой жизни и в другой квартире, и я никогда не жалела об этом.

Теперь на моей кухне сидел человек в свитере, ел мою картошку и гладил моего кота, и в этом не было ничего особенного, и от этого было как-то не по себе.

— Покажите фокус, — сказала я.

— Какой фокус?

— Вы обещали. Один.

Кирилл ухмыльнулся, достал из кармана монетку и показал мне пустые ладони. Потом сделал вид, что достаёт монетку из-за моего уха, и она там действительно оказалась, хотя я смотрела в оба глаза.

— Как?

— Не скажу.

— Это было у вас в рукаве.

— У меня нет рукава. — Он показал руки. — Это магия.

— Это ловкость рук.

— Это магия, — повторил он. — Просто вы в неё не верите.

Я засмеялась, и в этот момент вспомнила, о чём хотела спросить весь вечер, и не знала, как спросить, чтобы не прозвучало слишком прямо.

— Кирилл.

— Да?

— А вы давно знакомы с Дарком?

Он не ответил сразу. Улыбка с его лица не исчезла, но ушла куда-то вглубь, как будто он на секунду закрыл за собой дверь. Я успела это увидеть: вот он смеётся, а вот он уже думает.

— Давно, — сказал он. — Наши родители дружат. Мы выросли рядом, можно сказать. Он мне как брат.

— Как брат?

— Ну, почти. — Он снова улыбнулся, и улыбка была настоящей, только чуть-чуть натянутой по краю. — Он слож-

ный человек, вы, наверное, заметили. Но он из тех, на кого можно положиться. Если он что-то обещал, он это сделает. Даже если это будет ему дорого стоить.

— Это вы его хвалите или предупреждаете?

— И то и другое, — сказал Кирилл. — Я вообще редко разделяю.

Он допил чай и поставил чашку.

Он остался до половины одиннадцатого. Мы проговорили несколько часов, и я не заметила, как прошло время. Я даже забыла про рукописи, которые собиралась править, и вспомнила о них только тогда, когда он посмотрел на часы.

— Мне пора, — сказал он. — Я обещал не засиживаться.

— Вы не засиживались.

— Я и не уходил. Это разные вещи.

Он встал, и я пошла его провожать. В прихожей стало тесно, как всегда бывает в прихожих, когда в них двое.

— Спасибо, — сказал он. — За картошку и за вечер.

— Спасибо за торт.

Он накинул куртку, помолчал, а потом спросил, глядя на вешалку, а не на меня:

— Я вам завтра позвоню? Это нормально?

— Нормально.

— А послезавтра?

— Кирилл.

— Я спросил только про завтра.

— Завтра позвоните, — сказала я.

Он кивнул, вышел и обернулся уже с крыльца.

— Спокойной ночи, Ника.

— Спокойной ночи.

Я закрыла дверь и постояла секунду, прижавшись лбом к прохладному дереву. Потом подошла к окну и увидела, как он сел в машину, как загорелись фары, как машина выехала со двора и свернула на улицу. Было тихо. Барсик тёрся о мои ноги.

— Ну что, — сказала я. — Нормальный же человек.

Барсик промолчал, но в его молчании не было возражений.

Я помыла посуду, убрала торт в холодильник, выключила свет на кухне и поднялась наверх. Постель была холодная, и я легла, натянув одеяло до подбородка, и лежала, слушая, как в доме поскрипывает лестница, как где-то на улице проехала машина, как Барсик устроился в ногах.

Кирилл был хороший. Кирилл был правильный выбор. Человек, который спрашивает у подруги, какой торт ты любишь, который не лезет в чужой дом, как в свой, который умеет слушать и не боится говорить о себе.

С этой мыслью я и уснула.

Мне приснился ресторан. Тот же зал, низкий свет, чужие головы и бокалы, и я иду между столами, а шампанское в моей руке наклоняется, как в замедленной съёмке. Только на этот раз я не обливаю никого. Я прохожу мимо, и меня останавливает рука. Не грубо, не за локоть, а легко, пальцами

за запястье.

Я обернулась и увидела голубые глаза.

Во сне не было ни слов, ни объяснений. Была стена, было его дыхание у моего виска, была его ладонь, которая лежала у меня на пояснице, и я чувствовала каждое её движение сквозь ткань. Я знала, что это сон, и во сне мне было всё равно. Я повернулась к нему, и он наклонился, и я проснулась за секунду до того, как он меня поцеловал.

В комнате было темно. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах.

Я лежала и смотрела в потолок. Внизу Барсик прошёл по коридору и запрыгнул на диван.

— Ты дура, — сказала я вслух.

Телефон на тумбочке показывал половину седьмого. Я не спала ещё сорок минут, а потом встала, потому что лежать было невыносимо.

Утром я злилась на себя так, как не злилась давно. Злилась, когда варила кофе. Злилась, когда кормила кота. Злилась, когда стояла под душем и смывала с себя чужой сон, который не хотел смываться.

Всё было не так. Должно было сниться другое. Должен был сниться вечер, торт, монетка за ухом, разговор про привычку и характер. Должен был сниться человек, который сказал «завтра я позвоню» и действительно позвонит.

А снился человек, который сказал «а я нет», и у которого была невеста, и который смотрел на меня так, как не смотрят

на чужих.

Я надела пальто, взяла сумку и вышла. На улице было холодно и ясно, лужи подёрнулись тонким льдом, и я шла, глядя под ноги, и всю дорогу уговаривала себя, что сны ничего не значат.

Кэти позвонила в обед и спросила, как всё прошло.

— Хорошо, — сказала я. — Он приходил с тортом.

— И?

— И мы проговорили три часа.

— Ника! — закричала она так, что я отодвинула телефон от уха. — Я знала!

— Что ты знала?

— Что он тебе понравится.

— Он мне и понравился, — сказала я. — Он хороший.

— Ты это говоришь таким голосом, как будто сообщаешь диагноз.

Я засмеялась и перевела разговор на её дела, потому что мне не хотелось объяснять, каким голосом я это говорю и почему.

А вечером, когда Кирилл позвонил, как обещал, я взяла трубку на первом гудке и целых десять минут говорила с ним о всякой ерунде, и это было легко, и я почти забыла про сон.

Почти.

Глава 7 Стена в кабинете.

Вальтер вернулся. Точнее, он никуда не уходил, но в то утро он снова начал смотреть.

Я почувствовала это, как только вошла в редакцию: он стоял у кофемашины с чашкой в руке и разговаривал с Димой о чём-то рабочем, а когда я прошла мимо, его взгляд поехал по мне сверху вниз, медленно, как по странице, и остановился там, где останавливаться не должен был.

— Доброе утро, Ника, — сказал он.

— Доброе утро.

Я села за свой стол и включила компьютер. Руки были холодные.

Он смотрел весь день. Когда я шла по коридору — смотрел. Когда наклонялась к нижнему ящику — смотрел. Когда разговаривала с Мариной у кулера — смотрел от своего кабинета, стоя в дверях с чашкой. Это было не как в кино, где мужчина смотрит с вожделением и всё понятно. Это было хуже: он смотрел спокойно, как смотрят на вещь, которая стоит на его полке и никуда не денется.

К обеду я поймала себя на том, что сижу боком, чтобы он не видел, что у меня на экране. Потом поняла, что это глупо, и села прямо. Потом поймала себя на том, что не выхожу на обед, чтобы лишний раз не идти по коридору.

Марина заметила.

— Ты чего? — спросила она, когда мы встретились на кухне.

— Ничего.

— Ты сегодня как мышь.

— Я работаю.

— Ты весь день не выходила из-за стола. — Она налила воды и понизила голос. — Он опять?

Я посмотрела на неё и вдруг поняла, что не хочу больше делать вид.

— Он смотрит, — сказала я. — Весь день.

— Это он умеет, — сказала Марина. — Слушай, я тебе скажу как женщина, которая здесь десять лет. Пока он смотрит, ничего не будет. Будет, когда он перестанет смотреть.

— И что тогда?

— Тогда он подойдёт.

Я вернулась на место и до конца дня ничего не могла делать.

Я вспоминала всё, что было раньше и что я старательно не считала. Как он однажды встал у меня за спиной, когда я показывала ему макет, и положил ладонь на спинку стула так, что его рука оказалась у моего плеча. Как на корпоративе он взял меня под локоть и не отпустил, когда мы выходили из зала. Как говорил при всех комплименты про мою внешность, а потом добавлял что-нибудь деловое, чтобы нельзя было сказать, что он говорит не по работе.

Каждый раз это было понемногу. Каждый раз можно было сказать себе, что мне показалось, что он просто дружелюбный, что я преувеличиваю. Так это и работает, оказывается: не сразу, а по чуть-чуть, чтобы человек сам привык и сам себя убедил, что ничего не происходит.

Строчки расплывались. Я правила одну и ту же фразу че-

тыре раза, и она становилась только хуже. В какой-то момент я поняла, что больше не могу это терпеть: не взгляды, не намёки, не это ощущение, что меня каждый день трогают глазами, а сделать с этим никто не даст.

Я встала и пошла к его кабинету.

По дороге я придумала речь. Хорошую речь, спокойную, с фактами: что я работаю здесь четвёртый год, что мою работу ценят, что его поведение мешает мне работать и нарушает мои границы, что если это не прекратится, я пойду выше. Я даже отрепетировала первую фразу.

Я не успела её сказать.

Вальтер сидел за столом, и когда я вошла, он не удивился. Он посмотрел на меня и откинулся в кресле, как человек, который ждал этого визита.

— Ника, — сказал он. — Я знал, что вы придёте.

— Вальтер, мне нужно с вами поговорить.

— Закройте дверь.

Я не закрыла. Я стояла у двери, приоткрытой в коридор, и это было моей единственной защитой.

— Я хочу сказать, что ваше поведение по отношению ко мне непозволительно, — сказала я. — Вы смотрите на меня весь день. Вы делаете мне намёки. Вы приглашаете меня в ресторан, хотя я отказала вам три раза. Это не имеет отношения к работе, и я больше не собираюсь это терпеть. Если это не прекратится, я пойду к вашему руководству.

Он выслушал. Он всегда выслушивал до конца, это было

в нём самое мерзкое.

Потом встал.

— Вы закончили? — спросил он.

— Да.

— Хорошо. — Он обошёл стол и остановился рядом, опершись о него бедром. — А теперь послушайте меня, потому что вы, видимо, не понимаете, где находитесь.

— Я прекрасно понимаю, где нахожусь.

— Нет. — Он покачал головой. — Вы думаете, что это офис, в котором есть правила. В котором можно прийти к начальнику и сказать: «вы нарушаете мои границы». Вы где-то этого начитались. Может, в своих книгах. — Он усмехнулся. — Здесь нет правил, Ника. Здесь есть я. И я вам сейчас объясню, как это работает, потому что вы, по-моему, до сих пор считаете, что мы с вами равные люди.

— Мы и есть равные люди.

— Мы не равные люди. — Он сказал это без злости, почти ласково, и от этого стало хуже. — Я ваш начальник. Я в два раза старше вас. Я двадцать лет в этом бизнесе. У меня в этом городе столько знакомых, что если вы завтра выйдете отсюда и пойдёте искать работу, вам в трёх местах скажут, что мест нет, ещё до того, как вы достанете резюме. Не потому что вы плохой редактор. А потому что я так сказал.

— Это вы сейчас мне угрожаете?

— Я вам объясняю. Это разные вещи. — Он наклонил голову. — Идите сюда.

— Что?

— Идите сюда, Ника. Вы хотите поговорить — поговорим здесь.

Он обошёл стол и подошёл ко мне. Я хотела выйти, но коридор был за спиной, а он был уже близко, и я не успела сделать шаг, как он взял меня за плечо, развернул и прижал к стене.

Всем телом. Я почувствовала его живот, его бедро, его дыхание у себя над бровью. Стена была холодная, а он был тёплый, и от этого сочетания меня замутило.

— Пустите, — сказала я.

— Не пущу.

Он не держал меня крепко. Он просто прижимал, всей своей мягкой тяжестью, и я поняла, что если начну вырываться, то буду вырываться из объятий, а не из драки, и это почему-то было страшнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.